

Стихотворения

«На небесном синем блюде...»

На небесном синем блюде

Желтых туч медовый дым.

Грезит ночь. Уснули люди,

Только я тоской томим.

Облаками перекрещен,

Сладкий дым вдыхает бор.

За кольцо небесных трещин

Тянет пальцы косогор.

На болоте кричат цапля;

Четко хлюпает вода,

И из туч глядит, как капля,

Одинокая звезда.

Я хотел бы в мутном дыме

Той звезды поджечь леса

И погинуть вместе с ними,

Как зарница в небеса.

1913 или 1914

«Зашумели над затоном тростники ...»

Зашумели над затоном тростники.

Плачет девушка-царевна у реки.

Погадала красна девица в семик.

Расплела волна венки из повилки.

Ах, не выйти в жены девушке весной,

Запугал ее приметам лесной.

На березке пообъедена кора —

Выживают мыши девушку с двора.

Бьются кони, грозно машут головой, —

Ой, не любит черны косы домовой.

Запах ладана от рожи ели льют,

Звонки ветры панихидную поют.

Ходит девушка по бережку грустна,

Ткет ей саван нежнопенная волна.

1914

В хате

Пахнет рыхлыми драченами,

У порога в дежке квас,

Над печурками точеными

Тараканы лезут в паз.

Вьется сажа над заслонкою,

В печке нитки попелиц,

А на лавке за солонкою —

Шелуха сырых яиц.

Мать с ухватами не сладится,

Нагибается низко?,

Старый кот к махотке крадется

На парное молоко.

Квохчут куры беспокойные

Над оглоблями сохи,

На дворе обедню стройную

Запевают петухи.

А в окне на сени скатые,

От пугливой шумоты,

Из углов щенки кудлатые

Заползают в хомуты.

1914

«Я – пастух, мои палаты ...»

Я – пастух, мои палаты —

Межи зыбистых полей.

По горам зеленым – скаты

С гарком гулких дупелей.

Вяжут кружево над лесом

В желтой пене облака.

В тихой дреме под навесом

Слышу шепот сосняка.

Святят зелено в сутёмы

Под росую тополя.

Я – пастух, мои хоромы —

В мягкой зелени поля.

Говорят со мной коровы

На кивливом языке.

Духовитые дубровы

Кличут ветками к реке.

Позабыв людское горе,

Сплю на вырублях сучья.

Я молюсь на алы зори,

Причащаюсь у ручья.

1914

«По селу тропинкой кривенькой ...»

По селу тропинкой кривенькой

В летний вечер голубой

Рекрута ходили с ливенкой

Разухабистой гурьбой.

Распевали про любимые

Да последние деньки:

«Ты прощай, село родимое,

Темна роща и пеньки».

Зори пенились и таяли.

Все кричали, пяча грудь:

«До рекрутства горе маяли,

А теперь пора гульнуть».

Размахнув кудрями русыми,

В пляс пускались весело.

Девки брякали им бусами,

Зазывали за село.

Выходили парни бравые

За гуменные плетни.

А девчоночки лукавые

Убегали, – догони!

Над зелеными пригорками

Развевались платки.

По полям бредя с кошелками,

Улыбались старики.

По кустам, в траве над лыками,

Под пугливый возглас сов,

Им смеялась роща зыками

С переливом голосов.

По селу тропинкой кривенькой,

Ободравшись о пеньки,

Рекрута играли в ливенку

Про остальные деньки.

1914

«Сохнет стаявшая глина ...»

Сохнет стаявшая глина,

На сугорьях гниль опенок.

Пляшет ветер по равнинам,

Рыжий ласковый осленок.

Пахнет вербой и смолою,

Синь то дремлет, то вздыхает.

У лесного аналя

Воробей псалтырь читает.

Прошгодний лист в овраге

Средь кустов, как ворох меди.

Кто-то в солнечной сермяге

На осленке рыжем едет.

Прядь волос нежней кудели,

Но лицо его туманно.

Никнут сосны, никнут ели

И кричат ему: «Осанна!»

1914

«Чую радуницу Божью...»

Чую радуницу Божью —

Не напрасно я живу,

Поклоняюсь придорожью,

Припадаю на траву.

Между сосен, между елок,

Меж берез кудрявых бус,

Под венком, в кольце иголок,

Мне мерещится Исус.

Он зовет меня в дубровы,

Как во царствие небес,

И горит в парче лиловой

Облаками крытый лес.

Глубинный дух от Бога,

Словно огненный язык,

Завладел моей дорогой,

Заглушил мой слабый крик.

Льется пламя в бездну зренья,

В сердце радость детских снов.

Я поверил от рожденья

В Богородицын покров.

1914

«На плетнях висят баранки ...»

На плетнях висят баранки,

Хлебной брагой пьет теплынь.

Солнца струганые дранки

Загораживают синь.

Балаганы, пни и колья,

Карусельный пересвист.

От вихлистого приволья

Гнутся травы, мнется лист.

Дробь копыт и хрип торговок,

Пьяный пах медовых сот.

Берегись, коли не ловок:

Вихорь пылью разметет.

За лещужную сурьюю —

Бабий крик, как поутру.

Не твоя ли шаль с каймою

Зеленеет по ветру?

Ой, удал и многосказен

Лад веселый на пыжну.

Запевай, как Стенька Разин

Утопил свою княжну.

Ты ли, Русь, тропой-дорогой

Разметала ал наряд?

Не суди молитвой строгой

Напоенный сердцем взгляд.

1915

«О красном вечере задумалась дорога ...»

О красном вечере задумалась дорога,

Кусты рябин туманней глубины.

Изба-старуха челюстью порога

Жует пахучий мякиш тишины.

Осенний холод ласково и кротко

Крадется мглой к овсяному двору;

Сквозь синь стекла желтоволосый отрок

Лучит глаза на галочью игру.

Обняв трубу, сверкает по повети

Зола зеленая из розовой печи.

Кого-то нет, и тонкогубый ветер

О ком-то шепчет, сгнувшем в ночи.

Кому-то пятками уже не мять по рощам

Щербленный лист и золото травы.

Тягучий вздох, ныряя звоном тощим,

Целует клюв нахохленной совы.

Все гуще хмарь, в хлеву покой и дрема,

Дорога белая узорит скользкий ров...

И нежно охает ячменная солома,

Свисая с губ кивающих коров.

<1916>

«О товарищах веселых ...»

О товарищах веселых,

О полях посеребрённых

Загрустила, словно голубь,

Радость лет уединенных.

Ловит память тонким клювом

Первый снег и первопуток.

В санках озера над лугом

Запоздалый окрик уток.

Под окном от скользких елей

Тень протягивает руки,

Тихих вод парагуш квелый

Курит люльку на излуке.

Легким дымом к дальним пожням

Шлет поклон день ласк и вишен.

Запах трав от бабьей кожи

На губах моих я слышу.

Мир вам, рощи, луг и липы,

Литии медовый ладан!

Все приявшему с улыбкой

Ничего от вас не надо.

1916

«Там, где вечно дремлет тайна ...»

Там, где вечно дремлет тайна,

Есть нездешние поля.

Только гость я, гость случайный

На горах твоих, земля.

Широки леса и воды,

Крепок взмах воздушных крыл.

Но века твои и годы

Затуманил бег светил.

Не тобой я поцелован,

Не с тобой мой связан рок.

Новый путь мне уготован

От захода на восток.

Суждено мне изначально

Возлететь в немую тьму.

Ничего я в час прощальный

Не оставлю никому.

Но за мир твой, с выси звездной,

В тот покой, где спит гроза,

В две луны зажгу над бездной

Незакатные глаза.

1916

«Вечер черные брови насупил ...»

Вечер черные брови насупил.

Чьи-то кони стоят у двора.

Не вчера ли я молодость пропил?

Разлюбил ли тебя не вчера?

Не храпи, запоздалая тройка!

Наша жизнь пронеслась без следа.

Может, завтра больничная койка

Упокоит меня навсегда.

Может, завтра совсем по-другому

Я уйду, исцеленный навек,

Слушать песни дождей и черемух,

Чем здоровый живет человек.

Позабуду я мрачные силы,

Что терзали меня, губя.

Облик ласковый! Облик милый!

Лишь одну не забуду тебя.

Пусть я буду любить другую,

Но и с нею, с любимой, с другой,

Расскажу про тебя, дорогую,

Что когда-то я звал дорогой.

Расскажу, как текла былая

Наша жизнь, что былой не была.

Голова ль ты моя удалая,

До чего ж ты меня довела?

1923

Пушкину

Мечтая о могучем даре

Того, кто русской стал судьбой,

Стою я на Тверском бульваре,

Стою и говорю с собой.

Блондинистый, почти белесый,

В легендах ставший как туман,

О Александр! Ты был повеса,

Как я сегодня хулиган.

Но эти милые забавы

Не затемнили образ твой,

И в бронзе выкованной славы

Трясешь ты гордой головой.

А я стою, как пред причастьем,

И говорю в ответ тебе:

Я умер бы сейчас от счастья,

Сподобленный такой судьбе.

Но, обреченный на гоненье,

Еще я долго буду петь...

Чтоб и мое степное пенье

Сумело бронзой прозвенеть.

26 мая 1924

Возвращение на родину

Я посетил родимые места,

Ту сельщину,

Где жил мальчишкой,

Где каланчой с березовою вышкой

Взметнулась колокольня без креста.

Как много изменилось там,

В их бедном, неприглядном быте.

Какое множество открытий

За мною следовало по пятам.

Отцовский дом

Не мог я распознать:

Приметный клен уж под окном не машет,

И на крылечке не сидит уж мать,

Кормя цыплят крупитчатую кашей.

Стара, должно быть, стала...

Да, стара.

Я с грустью озираюсь на окрестность.

Какая незнакомая мне местность!

Одна, как прежняя, белеется гора,

Да у горы

Высокий серый камень.

Здесь кладбище!

Подгнившие кресты,

Как будто в рукопашной мертвецы

Застыли с распростертыми руками.

По тропке, опершись на подожок,

Идет старик, сметая пыль с бурьяна.

«Прохожий!

Укажи, дружок,

Где тут живет Есенина Татьяна?»

«Татьяна... Гм...

Да вон за той избой.

А ты ей что?

Сродни?

Аль, может, сын пропащий?»

«Да, сын.

Но что, старик, с тобой?

Скажи мне,

Отчего ты так глядишь скорбяще?»

«Добро, мой внук,

Добро, что не узнал ты деда!...»

«Ах, дедушка, ужели это ты?»

И полилась печальная беседа

Слезами теплыми на пыльные цветы.

.....

«Тебе, пожалуй, скоро будет тридцать...

А мне уж девяносто...

Скоро в гроб.

Давно пора бы было воротиться».

Он говорит, а сам все морщит лоб.

«Да!.. Время!..

Ты не коммунист?»

«Нет!..»

«А сестры стали комсомолки.

Такая гадость! Просто удавись!

Вчера иконы выбросили с полки,

На церкви комиссар снял крест.

Теперь и Богу негде помолиться.

Уж я хожу украдкой нынче в лес,

Молюсь осинам...

Может, пригодится...

Пойдем домой —

Ты все увидишь сам».

И мы идем, топча межой кукольни.

Я улыбаюсь пашням и лесам,

А дед с тоской глядит на колокольню.

... ..

... ..

«Здорово, мать! Здорово!»

И я опять тяну к глазам платок.

Тут разрыдаться может и корова,

Глядя на этот бедный уголок.

На стенке календарный Ленин.

Здесь жизнь сестер,

Сестер, а не моя, —

Но все ж готов упасть я на колени,

Увидев вас, любимые края.

Пришли соседи...

Женщина с ребенком.

Уже никто меня не узнает.

По-байроновски наша собачонка

Меня встречала с лаем у ворот.

Ах, милый край!

Не тот ты стал,

Не тот.

Да уж и я, конечно, стал не прежний.

Чем мать и дед грустней и безнадежней,

Тем веселей сестры смеется рот.

Конечно, мне и Ленин не икона,

Я знаю мир...

Люблю мою семью...

Но отчего-то все-таки с поклоном

Сажусь на деревянную скамью.

«Ну, говори, сестра!»

И вот сестра разводит,

Раскрыв, как Библию, пузатый «Капитал»,

О Марксе,

Энгельсе...

Ни при какой погоде

Я этих книг, конечно, не читал.

И мне смешно,

Как шустрая девчонка

Меня во всем за шиворот берет...

.....

.....

По-байроновски наша собачонка

Меня встречала с лаем у ворот.

1 июня 1924

Русь советская

А. Сахарову

Тот ураган прошел. Нас мало уцелело.

На переключке дружбы многих нет.

Я вновь вернулся в край осиротелый,

В котором не был восемь лет.

Кого позвать мне? С кем мне поделиться

Той грустной радостью, что я остался жив?

Здесь даже мельница – бревенчатая птица

С крылом единственным – стоит, глаза смежив.

Я никому здесь не знаком,

А те, что помнили, давно забыли.

И там, где был когда-то отчий дом,

Теперь лежит зола да слой дорожной пыли.

А жизнь кипит.

Вокруг меня снуют

И старые и молодые лица.

Но некому мне шляпой поклониться,

Ни в чьих глазах не нахожу приют.

И в голове моей проходят роем думы:

Что родина?

Ужели это сны?

Ведь я почти для всех здесь пилигрим угрюмый

Бог весть с какой далекой стороны.

И это я!

Я, гражданин села,

Которое лишь тем и будет знаменито,

Что здесь когда-то баба родила

Российского скандального пиита.

Но голос мысли сердцу говорит:

«Опомнись! Чем же ты обижен?

Ведь это только новый свет горит

Другого поколения у хижин.

Уже ты стал немного отцветать,

Другие юноши поют другие песни.

Они, пожалуй, будут интересней, —

Уж не село, а вся земля им мать».

Ах, родина! Какой я стал смешной.

На щеки впалые летит сухой румянец.

Язык сограждан стал мне как чужой,

В своей стране я словно иностранец.

Вот вижу я:

Воскресные сельчане

У волости, как в церковь, собрались.

Корявыми, немьтыми речами

Они свою обсуживают «жись».

Уж вечер. Жидкой позолотой

Закат обрызгал серые поля.

И ноги босые, как телки под ворота,

Уткнули по канавам тополя.

Хромой красноармеец с ликом сонным,

В воспоминаниях морщина лоб,

Рассказывает важно о Буденном,

О том, как красные отбили Перекоп.

«Уж мы его — и этак и раз-этак, —

Буржуя энтото... которого... в Крыму...»

И клены морщатся ушами длинных веток,

И бабы охают в немую полутьму.

С горы идет крестьянский комсомол,

И под гармонику, наяривая рьяно,

Поют агитки Бедного Демьяна,

Веселым криком оглашая дол.

Вот так страна!

Какого ж я рожна

Орал в стихах, что я с народом дружен?

Моя поэзия здесь больше не нужна,

Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

Ну что ж! Прости, родной приют.

Чем сослужил тебе – и тем уж я доволен.

Пускай меня сегодня не поют —

Я пел тогда, когда был край мой болен.

Приемлю всё.

Как есть всё принимаю.

Готов идти по выбитым следам.

Отдам всю душу октябрю и маю,

Но только лиры милой не отдам.

Я не отдам ее в чужие руки,

Ни матери, ни другу, ни жене.

Лишь только мне она свои вверяла звуки

И песни нежные лишь только пела мне.

Цветите, юные, и здоровейте телом!

У вас иная жизнь. У вас другой напев.

А я пойду один к неведомым пределам,

Душой бунтующей навеки присмирив.

Но и тогда,

Когда на всей планете

Пройдет вражда племен,

Исчезнет ложь и грусть, —

Я буду воспевать

Всем существом в поэте

Шестую часть земли

С названьем кратким «Русь».

1924

Русь уходящая

Мы многое ещё не сознаем,

Питомцы ленинской победы,

И песни новые

По-старому поем,

Как нас учили бабушки и деды.

Друзья! Друзья!

Какой раскол в стране,

Какая грусть в кипении веселом!

Знать, оттого так хочется и мне,

Здрав штаны,

Бежать за комсомолом.

Я уходящих в грусти не виню,

Ну где же старикам

За юношами гнаться?

Они несжатой рожью на корню

Остались догнивать и осыпаться.

И я, я сам,

Не молодой, не старый,

Для времени навозом обречен.

Не потому ль кабацкий звон гитары

Мне навевает сладкий сон?

Гитара милая,

Звени, звени!

Сыграй, цыганка, что-нибудь такое,

Чтоб я забыл отравленные дни,

Не знавшие ни ласки, ни покоя.

Советскую я власть виню,

И потому я на нее в обиде,

Что юность светлую мою

В борьбе других я не увидел.

Что видел я?

Я видел только бой

Да вместо песен

Слышал канонаду.

Не потому ли с желтой головой

Я по планете бегал до упаду?

Но все ж я счастлив.

В сонме бурь

Неповторимые я вынес впечатленья.

Вихрь нарядил мою судьбу

В золототканое цветенье.

Я человек не новый!

Что скрывать?

Остался в прошлом я одной ногою,

Стремясь догнать стальную рать,

Скольжу и падаю другою.

Но есть иные люди.

Те

Еще несчастней и забытей.

Они, как отрубы в решетке,

Средь непонятных им событий.

Я знаю их

И подсмотрел:

Глаза печальнее коровьих.

Средь человеческих мирных дел,

Как пруд, заплесневела кровь их.

Кто бросит камень в этот пруд?

Не троньте!

Будет запах смрада.

Они в самих себе умрут,

Истлеют падью листопада.

А есть другие люди,

Те, что верят,

Что тянут в будущее робкий взгляд.

Почесывая зад и перед,

Они о новой жизни говорят.

Я слушаю. Я в памяти смотрю,

О чем крестьянская судачит оголь.

«С Советской властью жить нам по нутрю...

Теперь бы ситцу... Да гвоздей немного...»

Как мало надо этим брадачам,

Чья жизнь в сплошном

Картофеле и хлебе.

Чего же я ругаюсь по ночам
На неудачный, горький жребий?
Я тем завидую,
Кто жизнь провел в бою,
Кто защищал великую идею.
А я, сгубивший молодость свою,
Воспоминаний даже не имею.
Какой скандал!
Какой большой скандал!
Я очутился в узком промежутке.
Ведь я мог дать
Не то, что дал,
Что мне давалось ради шутки.
Гитара милая,
Звени, звени!
Сыграй, цыганка, что-нибудь такое,
Чтоб я забыл отравленные дни,
Не знавшие ни ласки, ни покоя.
Я знаю, грусть не утопить в вине,
Не вылечить души
Пустыней и отколом.
Знать, оттого так хочется и мне,
Задрать штаны,
Бежать за комсомолом.
<1924>
Стансы
Посвящается П. Чагину
Я о своем таланте
Много знаю.
Стихи – не очень трудные дела.
Но более всего
Любовь к родному краю
Меня томила,
Мучила и жгла.
Стишок писнуть,
Пожалуй, всякий может —
О девушке, о звездах, о луне...

Но мне другое чувство
Сердце гложет,
Другие думы
Давят череп мне.
Хочу я быть певцом
И гражданином,
Чтоб каждому,
Как гордость и пример,
Был настоящим,
А не сводным сыном —
В великих штатах СССР.
Я из Москвы надолго убежал:
С милицией я ладить
Не в сноровке,
За всякий мой пивной скандал
Они меня держали
В тигулевке.
Благодарю за дружбу граждан сих,
Но очень жестко
Спать там на скамейке
И пьяным голосом
Читать какой-то стих
О клеточной судьбе
Несчастной канарейки.
Я вам не кенар!
Я поэт!
И не чета каким-то там Демьянам.
Пускай бываю иногда я пьяным,
Зато в глазах моих
Прозрений дивных свет.
Я вижу всё
И ясно понимаю,
Что эра новая —
Не фунт изюму вам,
Что имя Ленина
Шумит, как ветер, по краю,
Давая мыслям ход,
Как мельничным крылам.

Вертитесь, милые!

Для вас обещан прок.

Я вам племянник,

Вы же мне все дяди.

Давай, Сергей,

За Маркса тихо сядем,

Понюхаем премудрость

Скучных строк.

Дни, как ручьи, бегут

В туманную реку.

Мелькают города,

Как буквы по бумаге.

Недавно был в Москве,

А нынче вот в Баку.

В стихию промыслов

Нас посвящает Чагин.

«Смотри, – он говорит, —

Не лучше ли церквей

Вот эти вышки

Черных нефть-фонтанов,

Довольно с нас мистических туманов,

Воспой, поэт,

Что крепче и живей».

Нефть на воде,

Как одеяло перса,

И вечер по небу

Рассыпал звездный куль.

Но я готов поклясться

Чистым сердцем,

Что фонари

Прекрасней звезд в Баку.

Я полон дум об индустриальной мощи,

Я слышу голос человеческих сил.

Довольно с нас

Небесных всех светил —

Нам на земле

Устроить это проще.

И, самого себя

По шее глядя,

Я говорю:

«Настал наш срок,

Давай, Сергей,

За Маркса тихо сядем,

Чтоб разгадать

Премудрость скучных строк».

1924

Письмо матери

Ты жива ещё, моя старушка?

Жив и я. Привет тебе, привет!

Пусть струится над твоей избушкой

Тот вечерний несказанный свет.

Пишут мне, что ты, тая тревогу,

Загрустила шибко обо мне,

Что ты часто ходишь на дорогу

В старомодном ветхом шушуне.

И тебе в вечернем синем мраке

Часто видится одно и то ж:

Будто кто-то мне в кабацкой драке

Саданул под сердце финский нож.

Ничего, родная! Успокойся.

Это только тягостная бредь.

Не такой уж горький я пропойца,

Чтоб, тебя не видя, умереть.

Я по-прежнему такой же нежный

И мечтаю только лишь о том,

Чтоб скорее от тоски мятежной

Воротиться в низенький наш дом.

Я вернусь, когда раскинет ветви

По-весеннему наш белый сад.

Только ты меня уж на рассвете

Не буди, как восемь лет назад.

Не буди того, что отмечталось,

Не волнуй того, что не сбылось, —

Слишком раннюю утрату и усталость

Испытать мне в жизни привелось.

И молиться не учи меня. Не надо!

К старому возврата больше нет.

Ты одна мне помощь и отрада,

Ты одна мне несказанный свет.

Так забудь же про свою тревогу,

Не грусти так шибко обо мне.

Не ходи так часто на дорогу

В старомодном ветхом шушуне.

<1924>

Письмо к женщине

Вы помните,

Вы всё, конечно, помните,

Как я стоял,

Приблизившись к стене,

Взволнованно ходили вы по комнате

И что-то резкое

В лицо бросали мне.

Вы говорили:

Нам пора расстаться,

Что вас измучила

Моя шальная жизнь,

Что вам пора за дело приниматься,

А мой удел —

Катиться дальше, вниз.

Любимая!

Меня вы не любили.

Не знали вы, что в сонмище людском

Я был, как лошадь, загнанная в мыле,

Пришпоренная смелым ездоком.

Не знали вы,

Что я в сплошном дыму,

В развороченном бурей быте

С того и мучаюсь, что не пойму —

Куда несет нас рок событий.

Лицом к лицу

Лица не увидеть.

Большое видится на расстоянии.

Когда кипит морская гладь,

Корабль в плачевном состоянии.

Земля – корабль!

Но кто-то вдруг

За новой жизнью, новой славой

В прямую гуцу бурь и вьюг

Ее направил величаво.

Ну кто ж из нас на палубе большой

Не падал, не блевал и не ругался?

Их мало, с опытной душой,

Кто крепким в качке оставался.

Тогда и я,

Под дикий шум,

Но зрело знающий работу,

Спустился в корабельный трюм,

Чтоб не смотреть людскую рвоту.

Тот трюм был —

Русским кабаком.

И я склонился над стаканом,

Чтоб, не страдая ни о ком,

Себя сгубить

В угаре пьяном.

Любимая!

Я мучил вас,

У вас была тоска

В глазах усталых:

Что я пред вами напоказ

Себя растрчивал в скандалах.

Но вы не знали,

Что в сплошном дыму,

В развороченном бурей быте

С того и мучаюсь,

Что не пойму,

Куда несет нас рок событий...

... ..

Теперь года прошли.

Я в возрасте ином.

И чувствую и мыслю по-иному.

И говорю за праздничным вином:

Хвала и слава рулевому!

Сегодня я

В ударе нежных чувств.

Я вспомнил вашу грустную усталость.

И вот теперь

Я сообщить вам мчусь,

Каков я был

И что со мною случилось!

Любимая!

Сказать приятно мне:

Я избежал паденья с кручи.

Теперь в Советской стороне

Я самый яростный попутчик.

Я стал не тем,

Кем был тогда.

Не мучил бы я вас,

Как это было раньше.

За знамя вольности

И светлого труда

Готов идти хоть до Ла-Манша.

Простите мне...

Я знаю: вы не та —

Живете вы

С серьезным, умным мужем;

Что не нужна вам наша маета,

И сам я вам

Ни капельки не нужен.

Живите так,

Как вас ведет звезда,

Под кущей обновленной сени.

С приветствием,

Вас помнящий всегда

Знакомый ваш

Сергей Есенин.

<1924>

«Годы молодые с забубенной славой ...»

Годы молодые с забубенной славой,

Отравил я сам вас горькою отравой.

Я не знаю: мой конец близок ли, далек ли,

Были синие глаза, да теперь поблекли.

Где ты, радость? Темь и жуть, грустно и обидно.

В поле, что ли? В кабаке? Ничего не видно.

Руки вытяну и вот — слушаю на ощупь:

Едем... кони... сани... снег... проезжаем рощу.

«Эй, ямщик, неси вовсю! Чай, рожден не слабым!

Душу вытрясти не жаль по таким ухабам».

А ямщик в ответ одно: «По такой метели

Очень страшно, чтоб в пути лошади вспотели».

«Ты, ямщик, я вижу, трус. Это не с руки нам!»

Взял я кнут и ну стегать по лошажьим спинам.

Бью, а кони, как метель, снег разносят в хлопья.

Вдруг толчок... и из саней прямо на сугроб я.

Встал и вижу: что за черт – вместо бойкой тройки...

Забинтованный лежу на больничной койке.

И вместо лошадей по дороге тряской

Бью я жесткую кровать мокрой повязкой.

На лице часов в усы закрутились стрелки.

Наклонились надо мной сонные сиделки.

Наклонились и хрипят: «Эх ты, златоглавый,

Отравил ты сам себя горькою отравой.

Мы не знаем: твой конец близок ли, далек ли.

Синие твои глаза в кабаках промокли».

1924

Маленькие поэмы

Русь

Потонула деревня в ухабинах,
Заслонили избенки леса.
Только видно, на кочках и впадинах,
Как синеют кругом небеса.
Воют в сумерки долгие, зимние
Волки грозные с тощих полей.
По дворам в погорающем инее
Над застрехами храп лошадей.
Как совиные глазки, за ветками
Смотрят в шали пурги огоньки.
И стоят за дубровными сетками,
Словно нечисть лесная, пеньки.
Запугала нас сила нечистая,
Что ни прорубь – везде колдуны.
В злую заморозь в сумерки мгlistые
На березках висят галуны.

Но люблю тебя, родина кроткая!

А за что – разгадать не могу.

Весела твоя радость короткая

С громкой песней весной на лугу.

Я люблю над покосной стоянкою

Слушать вечером гуд комаров.

А как гаркнут ребята тальянкою,

Выйдут девки плясать у костров.

Загорятся, как черна смородина,

Угли-очи в подковах бровей.

Ой ты, Русь моя, милая родина,

Сладкий отдых в шелку купырей.

Понакаркали черные вороны
Грозным бедам широкий простор.
Крутит вихорь леса во все стороны,
Машет саваном пена с озер.
Грянул гром, чашка неба расколота,
Тучи рваные кутают лес.
На подвесках из легкого золота
Закачались лампадки небес.
Повестили под окнами сотские
Ополченцам идти на войну.
Загыгыкали бабы слободские,
Плач прорезал кругом тишину.
Собирались мирные пахари
Без печали, без жалоб и слез,
Клади в сумочки пышки на сахаре
И пихали на кряжистый воз.
По селу до высокой околицы
Провожал их огулом народ...
Вот где, Русь, твои добрые молодцы,
Вся опора в годину невзгод.

Затомилась деревня невесточкой —

Как-то милые в дальнем краю?

Отчего не уведомят весточкой —

Не погибли ли в жарком бою?

В роще чудились запахи ладана,

В ветре бластились стуки костей.

И пришли к ним нежданно-негаданно

С дальней волости груды вестей.

Сберегли по ним пахари памятку,

С потом вывели всем по письму.

Подхватили тут родные грамотку,

За ветловую сели тесьму.

Собралися над четницей Лушею

Допытаться любимых речей.

И на корточках плакали, слушая,

На успехи родных силачей.

Ах, поля мои, борозды милые,
Хороши вы в печали своей!
Я люблю эти хижинки хилые
С поджиданьем седых матерей.
Припаду к лапоточкам берестяным,
Мир вам, грабли, коса и соха!
Я гадаю по взорам невестиным
На войне о судьбе жениха.
Помирился я с мыслями слабыми,
Хоть бы стать мне кустом у воды.
Я хочу верить в лучшее с бабами,
Тепля свечку вечерней звезды.
Разгадал я их думы несметные,
Не спугнет их ни гром и ни тьма.
За сохою под песни заветные
Не причудится смерть и тюрьма.
Они верили в эти каракули,
Выводимые с тяжким трудом,
И от счастья и радости плакали,
Как в засуху над первым дождем.
А за думой разлуки с родимыми
В мягких травах, под бусами рос,
Им мерещился в даях за дымами
Над лугами веселый покос.
Ой ты, Русь, моя родина кроткая,
Лишь к тебе я любовь берегу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.

1914

Июния

Пророку Иеремии

Не утрашуся гибели,
Ни копий, ни стрел дождей, —
Так говорит по Библии
Пророк Есенин Сергей.
Время мое приспело,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело, Христово тело,
Выплываю изо рта.
Не хочу воспринять спасения
Через муки его и крест:
Я иное постиг учение
Прободающих вечность звезд.
Я иное узрел пришествие —
Где не пляшет над правдой смерть.
Как овцу от поганой шерсти, я
Остригу голубую твердь.
Подыму свои руки к месяцу,
Раскушу его, как орех,
Не хочу я небес без лестницы,
Не хочу, чтобы падал снег.
Не хочу, чтоб умело хмуриться
На озерах зари лицо.
Я сегодня снесся, как курица,
Золотым словесным яйцом.
Я сегодня рукой упругою
Готов повернуть весь мир...
Грозовой расплескались вьюгою
От плечей моих восемь крыл.

Лай колоколов над Русью грозный —

Это плачут стены Кремля.

Ныне на пики звездные

Вздыбливаю тебя, земля!

Протянусь до незримого города,

Млечный прокушу покров.

Даже Богу я выщиплю бороду

Оскалом моих зубов.

Ухвачу его за гриву белую

И скажу ему голосом вьюг:

Я иным тебя, Господи, сделаю,

Чтобы зрел мой словесный луг!

Проклинаю я дыхание Китежа

И все лощины его дорог.

Я хочу, чтоб на бездонном вытяже

Мы воздвигли себе чертог.

Языком вылижу на иконах я

Лики мучеников и святых.

Обещаю вам град Инонию,

Где живет Божество живых!

Плачь и рыдай, Московия!

Новый пришел Индикоплов.

Все молитвы в твоём часослове я

Проклюю моим клювом слов.

Уведу твой народ от упования,

Дам ему веру и мощь,

Чтобы плугом он в зори ранние

Распахивал с солнцем ночь.

Чтобы поле его словесное

Выращало ульями злак,

Чтобы зерна под крышей небесною

Озлащали, как пчелы, мрак.

Проклинаю тебя я, Радонеж,

Твои пятки и все следы!

Ты огня золотого залежи

Разрыхлял киркою воды.

Стая туч твоих, по-волчьи лающих,
Словно стая злющих волков,
Всех зовущих и всех дерзающих
Прободала копьем клыков.
Твое солнце когтистыми лапами
Прокогтялось в душу, как нож.
На реках вавилонских мы плакали,
И кровавый мочил нас дождь.
Ныне ж бури воловьим голосом
Я кричу, сняв с Христа штаны:
Мойте руки свои и волосы
Из лоханки второй луны.
Говорю вам – вы все погибнете,
Всех задушит вас веры мох.
По-иному над нашей выгибью
Вспух незримой коровой Бог.
И напрасно в пещеры селятся
Те, кому ненавистен рев.
Все равно – он иным отелится
Солнцем в наш русский кров.
Все равно – он спалит телением,
Что ковало реке берега.
Развоздят мировое кипение
Золотые его рога.
Новый сойдет Олимпий
Начертать его новый лик.
Говорю вам – весь воздух выпью
И кометой вытяну язык.
До Египта раскорячу ноги,
Раскую с вас подковы мук...
В оба полюса снежнорогие
Вопьюся клещами рук.
Коленом придавлю экватор
И под бури и вихря плач
Пополам нашу землю-матерь
Разломлю, как златой калач.
И в провал, отененный бездною,
Чтобы мир весь слышал тот треск,

Я главу свою власозвездную

Просуну, как солнечный блеск.

И четыре солнца из облачья,

Как четыре бочки с горы,

Золотые рассыпав обручи,

Скатясь, всколыхнут миры.

И тебе говорю, Америка,
Отколотая половина земли, —
Страшись по морям безверия
Железные пускать корабли!
Не отягивай чугунной радугой
Нив и гранитом – рек.
Только водью свободной Ладоги
Просверлит бытие человек!
Не вбивай руками синими
В пустошь потолок небес:
Не построить шляпками гвоздинами
Сияние далеких звезд.
Не залить огневого брожения
Лавой стальной руды.
Нового вознесения
Я оставлю на земле следы.
Пятками с облаков свесюсь,
Прокопытю тучи, как лось;
Колесами солнце и месяц
Надены на земную ось.
Говорю тебе – не пой молебствия
Проволочным твоим лучам.
Не осветят они пришествия,
Бегущего овцой по горам!
Сыщется в тебе стрелок еще
Пустить в его грудь стрелу.
Словно полымя, с белой шерсти его
Брызнет теплая кровь во мглу.
Звездами золотые копытца
Скатятся, взбороздив ночь.
И опять замелькает спицами
Над чулком ее черным дождь.
Возгремлю я тогда колесами
Солнца и луны, как гром;
Как пожар, размечу волосья
И лицо закрою крылом.

За уши встряхну я горы,
Копьями вытяну ковыль.
Все тыны твои, все заборы
Горстью смету, как пыль.
И вспашу я черные щёки
Нив твоих новой сохой;
Золотой пролетит сорокой
Урожай над твоей страной.
Новый он сбросит жителям
Крыл колосистых звон.
И, как жерди златые, вытянет
Солнце лучи на дол.
Новые вырастут сосны
На ладонях твоих полей.
И, как белки, желтые вёсны
Будут прыгать по сучьям дней.
Синие забрезжут реки,
Просверлив все преграды глыб.
И заря, опуская веки,
Будет звездных ловить в них рыб.
Говорю тебе – будет время,
Отплещут уста громов;
Прободят голубое темя
Колосья твоих хлебов.
И над миром с незримой лестницы,
Оглашая поля и луг,
Проклевавшись из сердца месяца,
Кукарекнув, взлетит петух.

По тучам иду, как по ниве, я,
Свесясь головою вниз.
Слышу плеск голубого ливня
И светил тонкоклювых свист.
В синих отражаюсь затонах
Далеких моих озер.
Вижу тебя, Инония,
С золотыми шапками гор.
Вижу нивы твои и хаты,
На крылечке старушку мать;
Пальцами луч заката
Старается она поймать.
Прищепит его у окошка,
Схватит на своем горбе, —
А солнышко, словно кошка,
Тянет клубок к себе.
И тихо под шепот речки,
Прибрежному эху в подол,
Каплями незримой свечки
Капает песня с гор:
«Слава в вышних Богу
И на земле мир!
Месяц синим рогом
Тучи прободил.
Кто-то вывел гуся
Из яйца звезды —
Светлого Исуса
Проклевать следы.
Кто-то с новой верой,
Без креста и мук,
Натянул на небе
Радугу, как лук.
Радуйся, Сионе,
Проливай свой свет!
Новый в небосклоне
Вызрел Назарет.

Новый на кобыле

Едет к миру Спас.

Наша вера – в силе.

Наша правда – в нас!»

Январь 1918

Пантократор

Славь, мой стих, кто ревет и бесится,
Кто хоронит тоску в плече,
Лошадиную морду месяца
Схватить за узду лучей.
Тыщи лет те же звезды славятся,
Тем же медом струится плоть.
Не молиться тебе, а лаяться
Научил ты меня, Господь.
За седины твои кудрявые,
За копейки с золотых осин
Я кричу тебе: «К черту старое!»,
Непокорный, разбойный сын.
И за эти щедроты теплые,
Что сочишь ты дождями в муть,
О, какими, какими метлами
Это солнце с небес стряхнуть?

Там, за млечными холмами,
Средь небесных тополей,
Опрокинулся над нами
Среброструйный Водолей.
Он Медведицей с лазури —
Как из бочки черпаком.
В небо вспрыгнувшая буря
Села месяцу верхом.
В вихре снится сонм умерших,
Молоко дымящий сад,
Вижу, дед мой тянет вершей
Солнце с полдня на закат.
Отче, отче, ты ли внука
Услыхал в сей скорбный срок?
Знать, не даром в сердце мукал
Издыхающий телок.

Кружися, кружися, кружися,

Чекань твоих дней серебро!

Я понял, что солнце из выси —

В колодезь златое ведро.

С земли на незримую сушу

Отчалить и мне суждено.

Я сам положу мою душу

На это горящее дно.

Но знаю – другими очами

Умершие чувят живых.

О, дай нам с земными ключами

Предстать у ворот золотых.

Дай с нашей овсяною волей

Засовы чугунные сбить,

С разбега по ровному полю

Заре на закорки вскочить.

Сойди, явись нам, красный конь!

Впрягись в земли оглобли.

Нам горьким стало молоко

Под этой ветхой кровлей.

Пролей, пролей нам над водой

Твое глухое ржанье

И колокольчиком-звездой

Холодное сиянье.

Мы радугу тебе – дугой,

Полярный круг – на сбрую.

О, вывези наш шар земной

На колею иную.

Хвостом земле ты прицепись,

С зари отчалься гривой.

За эти тучи, эту высь

Скачи к стране счастливой.

И пусть они, те, кто во мгле

Нас пьют лампадой в небе,

Увидят со своих полей,

Что мы к ним в гости едем.

<1919>

Кобыльи корабли

Если волк на звезду завыл,

Значит, небо тучами изглодано.

Рваные животы кобыл,

Черные паруса воронов.

Не просунет когтей лазурь

Из пургового кашля-смрада;

Облетает под ржанье бурь

Черепов златохвойный сад.

Слышите ль? Слышите звонкий стук?

Это грабли зари по пущам.

Веслами отрубленных рук

Вы гребетесь в страну грядущего.

Плывите, плывите в высь!

Лейте с радуги крик вороний!

Скоро белое дерево сронит

Головы моей желтый лист.

Поле, поле, кого ты зовешь?

Или снится мне сон веселый —

Синей конницей скачет рожь,

Обгоняя леса и села?

Нет, не рожь! Скачет по? полю стужа,

Окна выбиты, настезь двери.

Даже солнце мерзнет, как лужа,

Которую напрудил мерин.

Кто это? Русь моя, кто ты? Кто?

Чей черпак в снегов твоих накупь?

На дорогах голодным ртом

Сосут край зари собаки.

Им не нужно бежать в «туда»,

Здесь, с людьми бы теплей ужиться.

Бог ребенка волчице дал,

Человек съел дитя волчицы.

О, кого же, кого же петь

В этом бешеном зареве трупов?

Посмотрите: у женщин третий

Вылупляется глаз из пупа.

Вот он! Вылез, глядит луной,

Не увидит ли помясистей кости.

Видно, в смех над самим собой

Пел я песнь о чудесной гостье.

Где же те? Где еще одиннадцать,

Что светильники сисек жгут?

Если хочешь, поэт, жениться,

Так женись на овце в хлеву.

Причащайся соломой и шерстью,

Тепли песней словесный воск.

Злой октябрь осыпает перстни

С коричневых рук берез.

Звери, звери, приидите ко мне,
В чашки рук моих злобу выплакать!
Не пора ль перестать луне
В небесах облака лакать?
Сестры-суки и братья-кобели,
Я, как вы, у людей в загоне.
Не нужны мне кобыл корабли
И паруса вороньи.
Если голод с разрушенных стен
Вцепится в мои волосы, —
Половину ноги моей сам съем,
Половину отдам вам высасывать.
Никуда не пойду с людьми,
Лучше вместе издохнуть с вами,
Чем с любимой поднять земли
В сумасшедшего ближнего камень.

Буду петь, буду петь, буду петь!

Не обижу ни козы, ни зайца.

Если можно о чем скорбеть,

Значит, можно чему улыбаться.

Все мы яблоко радости носим,

И разбойный нам близок свист.

Срежет мудрый садовник осень

Головы моей желтый лист.

В сад зари лишь одна стезя,

Сгложет рощи октябрьский ветер.

Все познать, ничего не взять

Пришел в этот мир поэт.

Он пришел целовать коров,

Слушать сердцем овсяный хруст.

Глубже, глубже, серпы стихов!

Сыпь черемухой, солнце-куст!

<Сентябрь 1919>

Сорокоуст

А. Мариенгофу

Трубит, трубит погибельный рог!
Как же быть, как же быть теперь нам
На измызганных ляжках дорог?
Вы, любители песенных блох,
Не хотите ль... ..
Полно кротостью мордищ праздниться,
Любо ль, не любо ль – знай бери.
Хорошо, когда сумерки дразнятся
И всыпают нам в толстые задницы
Окровавленный веник зари.
Скоро заморозь известью выбелит
Тот поселок и эти луга.
Никуда вам не скрыться от гибели,
Никуда не уйти от врага.
Вот он, вот он с железным брюхом,
Тянет к глоткам равнин пятерню,
Водит старая мельница ухом,
Наострив мукомольный нюх,
И дворовый молчальник бык,
Что весь мозг свой на телок пролил,
Вытирая о прясло язык,
Почуял беду над полем.

Ах, не с того ли за селом

Так плачет жалостно гармоника:

Таля-ля-ля, тили-ли-гом

Висит над белым подоконником.

И желтый ветер осенницы

Не потому ль, синь рябью тронув,

Как будто бы с коней скребницей,

Очесывает листья с кленов.

Идет, идет он, страшный вестник,

Пятой громоздкой чащи ломит.

И все сильнее тоскуют песни

Под лягушиный писк в соломе.

О, электрический восход,

Ремней и труб глухая хватка,

Се изб древенчатый живот

Трясет стальная лихорадка!

Видели ли вы,
Как бежит по степям,
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поездов?
А за ним
По большой траве,
Как на празднике отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребенок?
Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?
Неужель он не знает, что в полях бессиянных
Той поры не вернет его бег,
Когда пару красивых степных россиянок
Отдавал за коня печенег?
По-иному судьба на торгах перекрасила
Наш разбуженный скрежетом плес,
И за тысячи пудов конской кожи и мяса
Покупают теперь паровоз.

Черт бы взял тебя, скверный гость!
Наша песня с тобой не сживется.
Жаль, что в детстве тебя не пришлось
Утопить, как ведро в колодце.
Хорошо им стоять и смотреть,
Красить рты в жестяных поцелуях, —
Только мне, как псаломщику, петь
Над родимой страной аллилуйя.
Оттого-то в сентябрьскую склень
На сухой и холодный суглинок,
Головой разможжась о плетень,
Облилась кровью ягод рябина.
Оттого-то вросла тужиль
В переборы тальянки звонкой.
И соломой пропахший мужик
Захлебнулся лихой самогонкой.

<1920>

Мой путь
Жизнь входит в берега,
Села давнишний житель,
Я вспоминаю то,
Что видел я в краю.
Стихи мои,
Спокойно расскажите
Про жизнь мою.
Изба крестьянская.
Хомутный запах дегтя,
Божница старая,
Лампады кроткий свет.
Как хорошо,
Что я сберег те
Все ощущенья детских лет.
Под окнами
Костер метели белой.
Мне девять лет.
Лежанка, бабка, кот...

И бабка что-то грустное

Степное пела,

Порой зевая

И крестя свой рот.

Метель ревела.

Под оконцем

Как будто бы плясали мертвецы.

Тогда империя

Вела войну с японцем,

И всем далекие

Мережились кресты.

Тогда не знал я

Черных дел России.

Не знал, зачем

И почему война.

Рязанские поля,

Где мужики косили,

Где сеяли свой хлеб,

Была моя страна.

Я помню только то,

Что мужики роптали,

Бранились в черта,

В Бога и в царя.

Но им в ответ

Лишь улыбались дали

Да наша жидкая

Лимонная заря.

Тогда впервые

С рифмой я схлестнулся.

От сонма чувств

Вскружилась голова.

И я сказал:

Коль этот зуд проснулся,

Всю душу выплещу в слова.

Года далекие,

Теперь вы как в тумане.

И помню, дед мне

С грустью говорил:

«Пустое дело...

Ну, а если тянет —

Пиши про рожь,

Но больше про кобыл».

Тогда в мозгу,

Влеченьем к музе сжатом,

Текли мечтанья

В тайной тишине,

Что буду я

Известным и богатым

И будет памятник

Стоять в Рязани мне.

В пятнадцать лет

Взлюбил я до печенок

И сладко думал,

Лишь уединюсь,

Что я на этой

Лучшей из девчонок,

Достигнув возраста, женюсь.

... ..

Года текли.

Года меняют лица —

Другой на них

Ложится свет.

Мечтатель сельский —

Я в столице

Стал первокласснейший поэт.

И, заболев

Писательскою скукой,

Пошел скитаться я

Средь разных стран,

Не веря встречам,

Не томясь разлукой,

Считая мир весь за обман.

Тогда я понял,

Что такое Русь.

Я понял, что такое слава.

И потому мне
В душу грусть
Вошла, как горькая отрава.
На кой мне черт,
Что я поэт!..
И без меня в достатке дряни.
Пускай я сдохну,
Только...
Нет,
Не ставьте памятник в Рязани!
Россия... Царщина...
Тоска...
И снисходительность дворянства.
Ну что ж!
Так принимай, Москва,
Отчаянное хулиганство.
Посмотрим —
Кто кого возьмет!
И вот в стихах моих
Забила
В салонный вылощенный
Сброд
Мочой рязанская кобыла.
Не нравится?
Да, вы правы —
Привычка к Лориган
И к розам...
Но этот хлеб,
Что жрете вы, —
Ведь мы его того-с...
Навозом...
Еще прошли года.
В годах такое было,
О чем в словах
Всего не рассказать:
На смену царщине
С величественной силой
Рабочая предстала рать.

Устав таскаться

По чужим пределам,

Вернулся я

В родимый дом.

Зеленокосая,

В юбчонке белой,

Стоит береза над прудом.

Уж и береза!

Чудная... А груди...

Таких грудей

У женщин не найдешь.

С полей обрызганные солнцем

Люди

Везут навстречу мне

В телегах рожь.

Им не узнать меня,

Я им прохожий.

Но вот проходит

Баба, не взглянув.

Какой-то ток

Невыразимой дрожи

Я чувствую во всю спину.

Ужель она?

Ужели не узнала?

Ну и пускай,

Пускай себе пройдет...

И без меня ей

Горечи немало —

Недаром лег

Страдальчески так рот.

По вечерам,

Надвинув ниже кепи,

Чтобы не выдать

Холода очей,

Хожу смотреть я

Скошенные степи

И слушать,

Как звенит ручей.

Ну что же?

Молодость прошла!

Пора приняться мне

За дело,

Чтоб озорливая душа

Уже по-зрелому запела.

И пусть иная жизнь села

Меня наполнит

Новой силой,

Как раньше

К славе привела

Родная русская кобыла.

<1925>

Поэмы

Пугачев

Анатолию Мариенгофу

Появление Пугачева в Яицком городке

ПУГАЧЕВ

Ох, как устал и как болит нога!..

Ржет дорога в жуткое пространство.

Ты ли, ты ли, разбойный Чаган,

Приют дикарей и оборванцев?

Мне нравится степей твоих медь

И пропахшая солью почва.

Луна, как желтый медведь,

В мокрой траве ворочается.

Наконец-то я здесь, здесь!

Рать врагов цепью волн распалась,

Не удалось им на осиновый шест

Водрузить головы моей парус.

Яик, Яик, ты меня звал

Стоном придавленной черни!

Пучились в сердце жабы глаза

Грустящей в закат деревни.

Только знаю я, что эти избы —

Деревянные колокола,

Голос их ветер хмарью съел.

О, помоги же, степная мгла,

Грозно свершить мой замысел!

СТОРОЖ

Кто ты, странник? Что бродишь долом?

Что тревожишь ты ночи гладь?

Отчего, словно яблоко тяжелое,

Виснет с шеи твоя голова?

ПУГАЧЕВ

В солончаковое ваше место

Я пришел из далеких стран —

Посмотреть на золото телесное,

На родное золото славян.

Слушай, отче! Расскажи мне нежно,

Как живет здесь мудрый наш мужик?

Так же ль он в полях своих прилежно

Цедит молоко соломенное ржи?

Так же ль здесь, сломав зари застенков,

Гонится овес на водопой рысцой

И на грядках, от капусты пенных,

Челноки ныряют огурцов?

Так же ль мирен труд домохозяек,

Слышен прялки ровный разговор?

СТОРОЖ

Нет, прохожий! С этой жизнью Яик

Раздружился с самых давних пор.

С первых дней, как оборвались вожжи,

С первых дней, как умер третий Петр,

Над капустой, над овсом, над рожью

Мы задаром проливаем пот.

Нашу рыбу, соль и рынок,

Чем сей край богат и рьян,

Отдала Екатерина

Под надзор своих дворян.

И теперь по всем окраинам

Стонет Русь от цепких лапищ

Воском жалоб сердце Каина

К состраданию не окапишь.

Всех связали, всех вневолити,

С голоду хоть жри железо.

И течет заря над полем

С горла неба перерезанного.

ПУГАЧЕВ

Невеселое ваше житье!

Но скажи мне, скажи,

Неужель в народе нет суровой хватки

Вытащить из сапогов ножи

И всадить их в барские лопатки?

СТОРОЖ

Видел ли ты,

Как коса в лугу скачет,

Ртом железным перекусывая ноги трав?

Оттого что стоит трава на корячках,

Под себя коренья подобрал.

И никуда ей, траве, не скрыться

От горячих зубов косы,

Потому что не может она, как птица,

Оторваться от земли в синь.

Так и мы! Вросли ногами крови в избы,

Что нам первый ряд подкошенной травы?

Только лишь до нас не добрались бы,

Только нам бы,

Только б нашей

Не скосили, как ромашке, головы.

Но теперь как будто пробудились,

И березами заплаканный наш тракт

Окружает, как туман от сырости,

Имя мертвого Петра.

ПУГАЧЕВ

Как Петра? Что ты сказал, старик?

... ..

Иль это взвыли в небе облака?

СТОРОЖ

Я говорю, что скоро грозный крик,

Который избы словно жаб влакал,

Сильней громов раскатится над нами.

Уже мятеж вздымает паруса.

Нам нужен тот, кто б первый бросил камень.

ПУГАЧЕВ

Какая мысль!

СТОРОЖ

О чем вздыхаешь ты?

ПУГАЧЕВ

Я положил себе зарок молчать до срока.

... ..

Клещи рассвета в небесах

Из пасти темноты

Выдергивают звезды, словно зубы,

А мне еще нигде вздремнуть не удалось.

СТОРОЖ

Я мог бы предложить тебе

Тюфяк свой грубый,

Но у меня в доме всего одна кровать,

И четверо на ней спит ребятишек.

ПУГАЧЕВ

Благодарю! Я в этом граде гость.

Дадут приют мне под любую крышей.

Прощай, старик!

СТОРОЖ

Храни тебя Господь!

.... ..

Русь, Русь! И сколько их таких,

Как в решето просеивающих плоть,

Из края в край в твоих просторах шляется?

Чей голос их зовет,

Вложив светильником им посох в пальцы?

Идут они, идут! Зеленый славя гул,

Купая тело в ветре и в пыли,

Как будто кто сослал их всех на каторгу

Вертеть ногами

Сей шар земли.

Но что я вижу?

Колокол луны скатился ниже,

Он, словно яблоко увянувшее, мал.

Благовест лучей его стал глух.

Уж на нашесте громко заиграл

В куриную гармонику петух.

Бегство калмыков

ПЕРВЫЙ ГОЛОС

Послушайте, послушайте, послушайте,

Вам не снился тележный свист?

Нынче ночью на заре жидкой

Тридцать тысяч калмыцких кибиток

От Самары проползло на Иргиз.

От российской чиновничьей неволи,

Оттого что, как куропаток, их щипали

На наших лугах,

Потянулись они в свою Монголию

Стадом деревянных черепах.

ВТОРОЙ ГОЛОС

Только мы, только мы лишь медлим,

Словно страшен нам захлестнувший нас шквал.

Оттого-то шлет нам каждую неделю

Приказы свои Москва.

Оттого-то, куда бы ни шел ты,

Видишь, как под усмирителей меч

Прыгают кошками желтыми

Казацкие головы с плеч.

КИРПИЧНИКОВ

Внимание! Внимание! Внимание!

Не будьте ж трусливы, как овцы,

Сюда едут на страшное дело вас сманивать

Траубенберг и Тамбовцев.

КАЗАКИ

К черту! К черту предателей!

... ..

ТАМБОВЦЕВ

Сми-ирно-о!

Сотники казачьих отрядов,

Готовьтесь в поход!

Нынче ночью, как дикие звери,

Калмыки всем скопом орд

Изменили Российской империи

И угнали с собой весь скот.

Потопленную лодку месяца

Чаган выплескивает на берег дня.

Кто любит свое отечество,

Тот должен слушать меня.

Нет, мы не можем, мы не можем, мы не можем

Допустить сей ущерб стране:

Россия лишилась мяса и кожи,

Россия лишилась лучших коней.

Так бросимтесь же в погоню

На эту монгольскую мразь,

Пока она всеми ладонями

Китаю не предалась.

КИРПИЧНИКОВ

Стой, атаман, довольно

Об ветер язык чесать.

За Россию нам, конечно, больно,

Оттого что нам Россия – мать.

Но мы ничуть, мы ничуть не испугались,

Что кто-то покинул наши поля,

И калмык нам не желтый заяц,

В которого можно, как в пищу, стрелять.

Он ушел, этот смуглый монголец,

Дай же Бог ему добрый путь.

Хорошо, что от наших околиц

Он без боли сумел повернуть.

ТРАУБЕНБЕРГ

Что это значит?

КИРПИЧНИКОВ

Это значит то,

Что, если б

Наши избы были на колесах,

Мы впрягли бы в них своих коней

И гужом с солончаковых плесов

Потянулись в золото степей.

Наши б кони, длинно выгнув шеи,

Стадом черных лебедей

По во?дам ржи

Понесли нас, буйно хорошея,

В новый край, чтоб новой жизнью жить.

КАЗАКИ

Замучили! Загрызли, прохвосты!

ТАМБОВЦЕВ

Казак! Вы целовали крест!

Вы клялись...

КИРПИЧНИКОВ

Мы клялись, мы клялись Екатерине

Быть оплотом степных границ,

Защищать эти пастбища синие

От налета разбойных птиц.

Но скажите, скажите, скажите,

Разве эти птицы не вы?

Наших пашен суровых жителей

Не найдет, где прикрыть головы.

ТРАУБЕНБЕРГ

Это измена!..

Связать его! Связать!

КИРПИЧНИКОВ

Казак, час настал!

Приветствую тебя, мятеж свирепый!

Что не могли в словах сказать уста,

Пусть пулями расскажут пистолеты.

(Стреляет.)

Траубенберг падает мертвым. Конвойные разбегаются. Казак хватая лошадь Тамбовцева под уздцы и стаскивает его на землю.

ГОЛОСА

Смерть! Смерть тирану!

ТАМБОВЦЕВ

О Господи! Ну что я сделал?

Первый голос

Мучил, злодей, три года,

Три года, как коршун белый,

Ни проезда не давал, ни прохода.

ВТОРОЙ ГОЛОС

Откушай похлебки метелицы.

Отгулял, отстегал и отхвастал.

ТРЕТИЙ ГОЛОС

Черта ли с ним канителиться?

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОЛОС

Повесить его – и баста!

КИРПИЧНИКОВ

Пусть знает, пусть слышит Москва —

На расправы ее мы взбыстрим.

Это только лишь первый раскат,

Это только лишь первый выстрел.

Пусть помнит Екатерина,

Что если Россия – пруд,

То черными лягушками в тину

Пушки мечут стальную икру.

Пусть носится над страной,

Что казак не ветла на прогоне

И в луны мешок травяной

Он башку незадаром сронит.

Осенней ночью

КАРАВАЕВ

Тысячу чертей, тысячу ведьм и тысячу дьяволов!

Экий дождь! Экий скверный дождь!

Скверный, скверный!

Словно вонючая моча волон

Льется с туч на поля и деревни.

Скверный дождь!

Экий скверный дождь!

Как скелеты тощих журавлей,

Стоят ошипанные вербы,

Плава ребер медь.

Уж золотые яйца листьев на земле

Им деревянным брюхом не согреть,

Не вывести птенцов – зеленых вербенят,

По горлу их скользнул сентябрь, как нож,

И кости крыл ломает на щербняк

Осенний дождь.

Холодный, скверный дождь!

О осень, осень!

Голые кусты,

Как оборванцы, мокнут у дорог.

В такую непогодь собаки, сжав хвосты,

Боятся головы просунуть за порог,

А тут вот стой, хоть сгинь,

Но тьму глазами ешь,

Чтоб не пробрался вражеский лазутчик.

Проклятый дождь!

Расправу за мятеж

Напоминают мне рыгающие тучи.

Скорей бы, скорей в побег, в побег

От этих кровью выдоенных стран.

С объятьями нас принимает всех

С Екатериною воюющий султан.

Уже стекается придушенная чернь

С озиркой, словно полевые мыши.

О солнце-колокол, твое тили-ли-день,

Быть может, здесь мы больше не услышим!

Но что там? Кажется, шаги?

Шаги... Шаги...

Эй, кто идет? Кто там идет?

ПУГАЧЕВ

Свой... свой...

КАРАВАЕВ

Кто свой?

ПУГАЧЕВ

Я, Емельян.

КАРАВАЕВ

А, Емельян, Емельян, Емельян!

Что нового в этом мире, Емельян?

Как тебе нравится этот дождь?

ПУГАЧЕВ

Этот дождь на счастье Богом дан,

Нам на руку, чтоб он хлестал всю ночь.

КАРАВАЕВ

Да, да! Я тоже так думаю, Емельян.

Славный дождь! Замечательный дождь!

ПУГАЧЕВ

Нынче вечером, в темноте скрываясь,

Я правительственные посты осмотрел.

Все часовые попрятались, как зайцы,

Боясь замочить шинели.

Знаешь? Эта ночь, если только мы выступим,

Не кровью, а зарею окрасила б наши ножи,

Всех бы солдат без единого выстрела

В сонном Яике мы могли уложить...

Завтра ж к утру будет ясная погода,

Сивым табуном проскачет хмарь.

Слушай, ведь я из простого рода

И сердцем такой же степной дикарь!

Я умею, на сutki и версты не трогаясь,

Слушать бег ветра и твари шаг,

Оттого что в груди у меня, как в берлоге,

Ворочается зверенышем теплым душа.

Мне нравится запах травы, холодом подожженной,

И сентябрьского листоleta протяжный свист.

Знаешь ли ты, что осенью медвежонок

Смотрит на луну,

Как на вьющийся в ветре лист?

По луне его учит мать

Мудрости своей звериной,

Чтобы смог он, дурашливый, знать

И призванье свое и имя.

... ..

Я значенье мое разгадал...

КАРАВАЕВ

Тебе ж недаром верят!

ПУГАЧЕВ

Долгие, долгие тяжкие года

Я учил в себе разуму зверя...

Знаешь? Люди ведь все со звериной душой —

Тот медведь, тот лиса, та волчица,

А жизнь — это лес большой,

Где заря красным всадником мчится.

Нужно крепкие, крепкие иметь клыки.

КАРАВАЕВ

Да, да! Я тоже так думаю, Емельян...

И если б они у нас были,

То московские полки

Нас не бросали, как рыб, в Чаган.

Они б побоялись нас жать

И карать так легко и просто

За то, что в чаду мятежа

Убили мы двух прохвостов.

ПУГАЧЕВ

Бедные, бедные мятежники!

Вы цвели и шумели, как рожь.

Ваши головы колосьями нежными

Раскачивал июльский дождь.

Вы улыбались тварям...

... ..

Послушай, да ведь это ж позор,
Чтоб мы этим поганым харям
Не смогли отомстить до сих пор?
Разве это когда прощается,
Чтоб с престола какая-то б...
Протягивала солдат, как пальцы,
Непокорную чернь умерщвлять!
Нет, не могу, не могу!
К черту султана с туретчиной,
Только на радость врагу
Этот побег опрометчивый.
Нужно остаться здесь!
Нужно остаться, остаться,
Чтобы вскипела месть
Золотою пургой акаций,
Чтоб пролились ножи
Железными струями люто!
Слушай! Бросай сторожить,
Беги и буди весь хутор.

Происшествие на Таловом умёте

ОБОЛЯЕВ

Что случилось? Что случилось? Что случилось?

ПУГАЧЕВ

Ничего страшного. Ничего страшного. Ничего страшного.

Там на улице жолклая сырость

Гонит туман, как стада барашковые.

Мокрою цаплей по лужам полей бороздя,

Ветер заставил все живое,

Как жаб по их гнездам, скрыться,

И только порою,

Привязанная к нитке дождя,

Черным крестом в воздухе

Проболтнется шальная птица.

Это осень, как старый оборванный монах,

Пророчит кому-то о погибели вещи.

... ..

Послушайте, для наших благ

Я придумал кой-что похлеще.

КАРАВАЕВ

Да, да! Мы придумали кой-что похлеще.

ПУГАЧЕВ

Знаете ли вы,

Что по черни ныряет весть,

Как по гребням волн лодка с парусом низким?

По-зверинному любит мужик наш на корточки сесть

И сосать эту весть, как коровьи большие сиськи.

От песков Джигильды до Алатыря

Эта весть о том,

Что какой-то жестокий поводырь

Мертвую тень императора

Ведет на российскую ширь.

Эта тень с веревкой на шее безмясой,

Отвалившуюся челюсть теребя,

Скрипящими ногами приплясывая,

Идет отомстить за себя,

Идет отомстить Екатерине,

Подымая руку, как желтый кол,

За то, что она с сообщниками своими,

Разбив белый кувшин

Головы его,

Взошла на престол.

ОБОЛЯЕВ

Это только веселая басня!

Ты, конечно, не за этим пришел,

Чтоб рассказать ее нам?

ПУГАЧЕВ

Напрасно, напрасно, напрасно

Ты так думаешь, брат Степан.

КАРАВАЕВ

Да, да! По-моему, тоже напрасно.

ПУГАЧЕВ

Разве важно, разве важно, разве важно,

Что мертвые не встанут из могил?

Но зато кой-где почву безвлажную

Этот слух словно плугом взрыл.

Уже слышится благовест бунтов,

Рев крестьян оглашает зенит,

И кустов деревянный табун

Безлиственной ковкой звенит.

Что ей Петр? – Злой и дикой ораве? —

Только камень желанного случая,

Чтобы колья погромные правили

Над теми, кто грабил и мучил.

Каждый платит за лепту лептою,

Месть щенками кровавыми щенится.

Кто же скажет, что это свирепствуют

Бродяги и отщепенцы?

Это буйствуют россияне!

Я ж хочу научить их под хохот сабель

Обтянуть тот зловещий скелет парусами

И пустить его по безводным степям,

Как корабль.

А за ним

По курганам синим

Мы живых голов двинем бурливый флот.

.....

.....

Послушайте! Для всех отныне

Я – император Петр!

КАЗАКИ

Как император?

ОБОЛЯЕВ

Он с ума сошел!

ПУГАЧЕВ

Ха-ха-ха!

Вас испугал могильщик,

Который, череп разложив как горшок,

Варит из медных монет щи,

Чтоб похлебать в черный срок.

Я стращать мертвецом вас не стану,

Но должны ж вы, должны понять,

Что этим кладбищенским планом

Мы подыдем монгольскую рать!

Нам мало того простолюдства,

Которое в нашем краю,

Пусть калмык и башкирец бьются

За бараньи костры средь юрт!

ЗАРУБИН

Это верно, это верно, это верно!

Кой нам черт умышлять побег?

Лучше здесь всем им головы скверные

Обломать, как колеса с телег.

Будем крыть их ножами и матом,

Кто без сабли – так бей кирпичом!

Да здравствует наш император,

Емельян Иванович Пугачев!

ПУГАЧЕВ

Нет, нет, я для всех теперь

Не Емельян, а Петр...

КАРАБАЕВ

Да, да, не Емельян, а Петр...

ПУГАЧЕВ

Братья, братья, ведь каждый зверь

Любит шкуру свою и имя...

Тяжко, тяжело моей голове

Опущать себя чуждым инеем.

Трудно сердцу светильником мести

Освещать корявые чащи.

Знайте, в мертвое имя влезть —

То же, что в гроб смердящий.

Больно, больно мне быть Петром,

Когда кровь и душа Емельянова.

Человек в этом мире не бревенчатый дом,

Не всегда перестроишь наново...

Но... к черту все это, к черту!

Прочь жалость телячьих нег!

Нынче ночью в половине четвертого

Мы устроить должны набег.

Уральский каторжник

ХЛОПУША

Сумасшедшая, бешеная кровавая мать!

Что ты? Смерть? Иль исцеленье калекам?

Проведите, проведите меня к нему,

Я хочу видеть этого человека.

Я три дня и три ночи искал ваш умёт,

Тучи с севера сыпались каменной грудой.

Слава ему! Пусть он даже не Петр!

Чернь его любит за буйство и удаль.

Я три дня и три ночи блуждал по тропам,

В солонце рыл глазами удачу,

Ветер волосы мои, как солому, трепал

И цепами дождя обмолачивал.

Но озлобленное сердце никогда не заблудится,

Эту голову с шеи сшибить нелегко.

Оренбургская заря красношерстной верблюдицей

Рассветное роняла мне в рот молоко.

И холодное корявое вымя сквозь тьму

Прижимал я, как хлеб, к истощенным векам.

Проведите, проведите меня к нему,

Я хочу видеть этого человека.

ЗАРУБИН

Кто ты? Кто? Мы не знаем тебя!

Что тебе нужно в нашем лагере?

Отчего глаза твои,

Как два цепных кобеля,

Беспокойно ворочаются в соленой влаге?

Что пришел ты ему сообщить?

Злое ль, доброе ль светится из пасти вспурга?

Прорубились ли в Азию бунтовщики?

Иль, как зайцы, бегут от Оренбурга?

ХЛОПУША

Где он? Где? Неужель его нет?

Тяжелее, чем камни, я нес мою душу.

Ах, давно, знать, забыли в этой стране

Про отчаянного негодяя и жулика Хлопушу.

Смейся, человек!

В ваш хмурый стан

Посылаются замечательные разведчики.

Был я каторжник и арестант,

Был убийца и фальшивомонетчик.

Но всегда ведь, всегда ведь, рано ли, поздно ли,

Расставляет расплата капканы терний.

Заковали в колодки и вырвали ноздри

Сыну крестьянина Тверской губернии.

Десять лет —

Понимаешь ли ты, десять лет? —

То острожничал я, то бродяжил.

Это теплое мясо носил скелет

На общипку, как пух лебяжий.

Черта ль с того, что хотелось мне жить?

Что жестокостью сердце устало хмуриться?

Ах, дорогой мой,

Для помещика мужик —

Все равно что овца, что курица.

Ежедневно молясь на зари желтый гроб,

Кандалы я сосал голубыми руками...

Вдруг... три ночи назад... губернатор Рейнсдорп,

Как сорвавшийся лист,

Взлетел ко мне в камеру...

«Слушай, каторжник!

(Так он сказал.)

Лишь тебе одному поверю я.

Там в ковыльных просторах ревет гроза,

От которой дрожит вся империя,

Там какой-то пройдоха, мошенник и вор

Вздумал вздыбить Россию ордой грабителей,

И дворянские головы сечет топор —

Как березовые купола

В лесной обители.

Ты, конечно, сумеешь всадить в него нож?

(Так он сказал, так он сказал мне.)

Вот за эту услугу ты свободу найдешь

И в карманах зазвякает серебро, а не камни».

Уж три ночи, три ночи, пробиваясь сквозь тьму,

Я ищу его лагерь, и спросить мне некого.

Проведите ж, проведите меня к нему.

Я хочу видеть этого человека!

ЗАРУБИН

Станный гость.

ПОДУРОВ

Подозрительный гость.

ЗАРУБИН

Как мы можем тебе довериться?

ПОДУРОВ

Их немало, немало, за червонцев горсть

Готовых пронзить его сердце.

ХЛОПУША

Ха-ха-ха!

Это очень неглупо.

Вы надежный и крепкий щит.

Только весь я до самого пупа —

Местью вскормленный бунтовщик.

Каплет гноем смола прогоркляя

Из разодранных ребер изб.

Завтра ж ночью я выбегу волком

Человеческое мясо грызть.

Все равно ведь, все равно ведь, все равно ведь,

Не сожрешь — так сожрут тебя ж.

Нужно вечно держать наготове

Эти руки для драки и краж.

Верьте мне!

Я пришел к вам как друг.

Сердце радо в пурге расколется

Оттого, что без Хлопуши

Вам не взять Оренбург

Даже с сотней лихих полководцев.

ЗАРУБИН

Так открой нам, открой, открой

Тот план, что в тебе хоронится.

ПОДУРОВ

Мы сейчас же, сейчас же пошлем тебя в бой

Командиром над нашей конницей.

ХЛОПУША

Нет!

Хлопуша не станет биться.

У Хлопуши другая мысль.

Он хотел бы, чтоб гневные лица

Вместе с злобой умом налились.

Вы бесстрашны, как хищные звери,

Грозен лязг ваших битв и побед,

Но ведь все ж у вас нет артиллерии?

Но ведь все ж у вас пороху нет?

Ах, в башке моей, словно в бочке,

Мозг, как спирт, хлебной едкостью лют.

Знаю я, за Самарой рабочие

Для помещиков пушки льют.

Там найдется и порох, и ядра,

И наводчиков зоркая рать.

Только надо сейчас же, не откладывая,

Всех крестьян в том краю взбунтовать.

Стыдно медлить здесь, стыдно медлить,

Гнев рабов – не кобылий фырк...

Так давайте ж по липовой меди

Трахнем вместе к границам Уфы.

В стане Зарубина

ЗАРУБИН

Эй ты, люд честной да веселый,

Забубенная трын-трава!

Подружилась с твоими селами

Скуломордая татарва.

Свищут кони, как вихри, по полю,

Только взглянешь – и след простыл.

Месяц, желтыми крыльями хлопая,

Раздирает, как ястреб, кусты.

Загляжусь я по ровной голи

В синью стынущие луга,

Не березовая ль то Монголия?

Не кибитки ль киргиз – стога?..

Слушай, люд честной, слушай, слушай

Свой кочевнический пересвист!

Оренбург, осажденный Хлопушей,

Ест лягушек, мышей и крыс.

Треть страны уже в наших руках,

Треть страны мы как войско выставили.

Нынче ж в ночь потеряет враг

По Приволжью все склады и пристани.

ШИГАЕВ

Стоп, Зарубин!

Ты, наверное, не слыхал,

Это видел не я...

Другие...

Многие...

Около Самары с пробитой башкой ольха,

Капая желтым мозгом,

Прихрамывает при дороге.

Словно слепец, от ватаги своей отстав,

С гнусавой и хриплой дрожью

В рваную шапку вороньего гнезда

Просит она на пропитанье

У проезжих и у прохожих.

Но никто ей не бросит даже камня.

В испуге крестясь на звезду,

Все считают, что это страшное знамение,

Предвещающее беду.

Что-то будет.

Что-то должно случиться.

Говорят, наступит глад и мор,

По сту раз на лету будет склевывать птица

Желудочное свое серебро.

ТОРНОВ

Да-да-да!

Что-то будет!

Повсюду

Воют слухи, как псы у ворот,

Дует в души суровому люду

Ветер сырью и вонью болот.

Быть беде!

Быть великой потере!

Знать, не зря с луговой стороны

Луны лошадиный череп

Каплет золотом сгнившей слюны.

ЗАРУБИН

Врете! Врете вы,

Нож вам в спины!

С детства я не видал в глаза,

Чтоб от этакой чертовщины

Хуже бабы дрожал казак.

ШИГАЕВ

Не дрожим мы, ничуть не дрожим!

Наша кровь – не башкирские хляби.

Сам ты знаешь ведь, чьи ножи

Пробивали дорогу в Челябинск.

Сам ты знаешь, кто брал Осу,

Кто разбил наголо Сарапуль.

Столько мух не сидело у тебя на носу,

Сколько пуль в наши спины вцарапали.

В стужу ль, в сырость ли,

В ночь или днем —

Мы всегда наготове к бою,

И любой из нас больше дорожит конем,

Чем разбойной своей головою.

Но кому-то грозитя, грозитя беда,

И ее ль казаку не слышать?

Посмотри, вон сидит дымовая труба,

Как наездник, верхом на крыше.

Вон другая, вон третья,

Не счесть их рыл

С залихватской тоской остолопов,

И весь дикий табун деревянных кобыл

Мчится, пылью клубя, галопом.

Ну куда ж он? Зачем он?

Каких дорог

Оголтелые всадники ищут?

Их стегают, стегают переполох

По стеклянным глазам кнутовищем.

ЗАРУБИН

Нет, нет, нет!

Ты не понял...

То слышится звань,

Звань к оружию под каждой оконницей.

Знаю я, нынче ночью идет на Казань

Емельян со свирепой конницей.

Сам вчера, от восторга едва дыша,

За горой в предрассветной мгле

Видел я, как тянулись за Черемшан

С артиллерией тысячи телег.

Как торжественно с хрипом колесным обоз

По дорожным камням грохотал.

Рев верблюдов сливался с бляением коз

И с гортанною речью татар.

ТОРНОВ

Что ж, мы верим, мы верим,

Быть может,

Как ты мыслишь, все так и есть;

Голос гнева, с бедою схожий,

Нас сзывает на страшную месть.

Дай Бог!

Дай Бог, чтоб так и случилось.

ЗАРУБИН

Верьте, верьте!

Я вам клянусь!

Не беда, а нежданная радость

Упадет на мужицкую Русь.

Вот взвенел, словно сабли о панцири,

Синий сумрак над ширью равнин,

Даже рожи —

И те повстанцами

Подымают хоругви рябин.

Зреет, зреет веселая сеча.

Взвоят в небо кровавый туман.

Гудом ядер и свистом картечи

Будет завтра их крыть Емельян.

И чтоб бунт наш гремел безысходней,

Чтоб вконец не сосала тоска, —

Я сегодня ж пошлю вас, сегодня,

На подмогу его войскам.

Ветер качает рожь

ЧУМАКОВ

Что это? Как это? Неужель мы разбиты?

Сумрак голодной волчицей выбежал кровь зари лакать.

О, эта ночь! Как могильные плиты,

По небу тянутся каменные облака.

Выйдешь в поле, зовешь, зовешь,

Кличешь старую рать, что легла под Сарептой,

И глядишь и не видишь – то ли зыбится рожь,

То ли желтые полчища пляшущих скелетов.

Нет, это не август, когда осыпаются овсы,

Когда ветер по полям их колотит дубинкой грубой.

Мертвые, мертвые, посмотрите, кругом мертвецы,

Вон они хохочут, выплевывая сгнившие зубы.

Сорок тысяч нас было, сорок тысяч,

И все сорок тысяч за Волгой легли, как один.

Даже дождь так не смог бы траву иль солому высечь,

Как осыпали саблями головы наши они.

Что это? Как это? Куда мы бежим?

Сколько здесь нас в живых осталось?

От горящих деревень бьющий лапами в небо дым

Расстигает по земле наш позор и усталость.

Лучше б было погибнуть нам там и лечь,

Где кружит воронье беспокойным, зловещим свадьбищем,

Чем струить эти пальцы пятерками пылающих свеч,

Чем нести это тело с гробами надежд, как кладбище!

БУРНОВ

Нет! Ты не прав, ты не прав, ты не прав!

Я сейчас чувством жизни, как никогда, болен.

Мне хотелось бы, как мальчишке, кувыркаться по золоту трав

И сшибать черных галок с крестов голубых колоколен.

Все, что отдал я за свободу черни,

Я хотел бы вернуть и поверить снова,

Что вот эту луну,

Как керосиновую лампу в час вечерний,

Зажигает фонарщик из города Тамбова.

Я хотел бы поверить, что эти звезды —

не звезды,

Что это — желтые бабочки, летящие на лунное пламя...

Друг!..

Зачем же мне в душу ты ропотом слезным

Бросаешь, как в стекла часовни, камнем?

ЧУМАКОВ

Что жалеть тебе смрадную холодную душу —

Околевшего медвежонка в тесной берлоге?

Знаешь ли ты, что в Оренбурге зарезали Хлопушу?

Знаешь ли ты, что Зарубин в Табинском остроге?

Наше войско разбито вконец Михельсоном,

Калмыки и башкиры удрали к Аральску в Азию.

Не с того ли так жалобно

Суслики в поле притоптанном стонут,

Обрызгивая мертвые головы, как кленовые листья, грязью?

Гибель, гибель стучит по деревням в колотушку.

Кто ж спасет нас? Кто даст нам укрыться?

Посмотри! Там опять, там опять за опушкой

В воздух крылья крестами бросают крикливые птицы.

БУРНОВ

Нет, нет, нет! Я совсем не хочу умереть!

Эти птицы напрасно над нами вьются.

Я хочу снова отроком, отряхая с осинника медь,

Подставляя ладони, как белые скользкие блюда.

Как же смерть?

Разве мысль эта в сердце поместится,

Когда в Пензенской губернии у меня есть свой дом?

Жалко солнышко мне, жалко месяц,

Жалко тополь над низким окном.

Только для живых ведь благословенны

Рощи, потоки, степи и зелена.

Слушай, плевать мне на всю вселенную,

Если завтра здесь не будет меня!

Я хочу жить, жить, жить,

Жить до страха и боли!

Хоть карманником, хоть золоторотцем,

Лишь бы видеть, как мыши от радости прыгают в поле,

Лишь бы слышать, как лягушки от восторга поют в колодце.

Яблоневым цветом брызжется душа моя белая,

В синее пламя ветер глаза раздул.

Ради Бога, научите меня,

Научите меня, и я что угодно сделаю,

Сделаю что угодно, чтоб звенеть в человечесем саду!

ТВОРОГОВ

Стойте! Стойте!

Если б знал я, что вы не трусливы,

То могли б мы спастись без труда.

Никому б не открыли наш заговор безъязыкие ивы,

Сохранила б молчанье одинокая в небе звезда.

Не пугайтесь!

Не пугайтесь жестокого плана.

Это не тяжелее, чем хруст ломаемых в теле костей,

Я хочу предложить вам:

Связать на заре Емельяна

И отдать его в руки грозящих нам смертью властей.

ЧУМАКОВ

Как, Емельяна?

БУРНОВ

Нет! Нет! Нет!

ТВОРОГОВ

Хе-хе-хе!

Вы глупее, чем лошади!

Я уверен, что завтра ж,

Лишь золотом плюнет рассвет,

Вас развешат солдаты, как туш, на какой-нибудь площади,

И дурак тот, дурак, кто жалеть будет вас,

Оттого что сами себе вы придумали тернии.

Только раз ведь живем мы, только раз!

Только раз светит юность, как месяц в родной губернии.

Слушай, слушай, есть дом у тебя на Суре,

Там в окно твое тополь стучится багряными листьями,

Словно хочет сказать он хозяину в хмурой октябрьской поре,

Что изранила его осень холодными меткими выстрелами.

Как же сможешь ты тополю помочь?

Чем залечишь ты его деревянные раны?

Вот такая же жизни осенняя гулкая ночь

Общипала, как тополь зубами дождей, Емельяна.

Знаю, знаю, весной, когда лает вода,

Тополь снова покроется мягкой зеленой кожей.

Но уж старые листья на нем не взойдут никогда —

Их растащит зверье и потопчут прохожие.

Что мне в том, что сумеет Емельян скрыться в Азию?

Что, набравши кочевников, может снова удариться в бой?

Все равно ведь и новые листья падут и покроются грязью.

Слушай, слушай, мы старые листья с тобой!

Так чего ж нам качаться на голых корявых ветвях?

Лучше оторваться и броситься в воздух кружиться,

Чем лежать и струить золотое гниенье в полях,

Чем глаза твои выключают черные хищные птицы.

Тот, кто хочет за мной, — в добрый час!

Нам башка Емельяна — как челн

Потопающим в дикой реке...

Только раз ведь живем мы, только раз!

Только раз славит юность, как парус, луну вдалеке.

Конец Пугачева

ПУГАЧЕВ

Вы с ума сошли! Вы с ума сошли! Вы с ума сошли!

Кто сказал вам, что мы уничтожены?

Злые рты, как с протухшею пищею кошли,

Зловонно рыгают бесстыдной ложью.

Трижды проклят тот трус, негодяй и злодей,

Кто сумел окормить вас такою дурью.

Нынче ж в ночь вы должны оседлать лошадей

И попасть до рассвета со мною в Гурьев.

Да, я знаю, я знаю, мы в страшной беде,

Но затем-то и злей над туманной вязью

Деревянными крыльями по каспийской воде

Наши лодки заплещут, как лебеди, в Азию.

О Азия, Азия! Голубая страна,

Обсыпанная солью, песком и известкой.

Там так медленно по небу едет луна,

Поскрипывая колесами, как киргиз с повозкой.

Но зато кто бы знал, как бурливо и гордо

Скачут там шерстожелтые горные реки!

Не с того ли так свищут монгольские орды

Всем тем диким и злым, что сидит в человеке?

Уж давно я, давно скрывал тоску

Перебраться туда, к их кочующим станам,

Чтоб разящими волнами их сверкающих скул

Стать к преддверьям России, как тень Тамерлана.

Так какой же мошенник, прохвост и злодей

Окормил вас бесстыдной трусливой дурью?

Нынче ж в ночь вы должны оседлать лошадей

И попасть до рассвета со мною в Гурьев.

КРЯМИН

О смешной, о смешной, о смешной Емельян!

Ты все такой же сумасбродный, слепой и вкрадчивый;

Расплескалась удаль твоя по полям,

Не вскипеть тебе больше ни в какой азиатчине.

Знаем мы, знаем твой монгольский народ,

Нам ли храбрость его неизвестна?

Кто же первый, кто первый, как не этот сброд

Под Самарой ударился в бегство?

Как всегда, как всегда, эта дикая гнусь

Выбирала для жертвы самых слабых и меньших,

Только б грабить и жечь ей пограничную Русь

Да привязывать к седлам добычей женщин.

Ей всегда был приятней набег и разбой,

Чем суровые походы с житейской хмурию.

... ..

Нет, мы больше не можем идти за тобой,

Не хотим мы ни в Азию, ни на Каспий, ни в Гурьев.

ПУГАЧЕВ

Боже мой, что я слышу?

Казак, замолчи!

Я заткну твою глотку ножом иль выстрелом...

Неужели и вправду отзвенели мечи?

Неужель это плата за все, что я выстрадал?

Нет, нет, нет, не поверю, не может быть!

Не на то вы возражали в степных станицах,

Никакие угрозы суровой судьбы

Не должны вас заставить смириться.

Вы должны разжигать еще больше тот взвой,

Когда ветер метелями с наших стран дул...

Смело ж к Каспию! Смело за мной!

Эй вы, сотники, слушать команду!

КРЯМИН

Нет! Мы больше не слуги тебе!

Нас не взманит твое сумасбродство.

Не хотим мы в ненужной и глупой борьбе

Лечь, как толпы других, по погостам.

Есть у сердца невзгоды и тайный страх

От кровавых раздоров и стонов.

Мы хотели б, как прежде, в родных хуторах

Слушать шум тополей и кленов.

Есть у нас роковая зацепка за жизнь,

Что прочнее канатов и проволок...

Не пора ли тебе, Емельян, сложить

Перед властью мятежную голову?!

Все равно то, что было, назад не вернешь,

Знать, недаром листвою октябрь заплакал...

ПУГАЧЕВ

Как? Измена?

Измена?

Ха-ха-ха!..

Ну так что ж!

Получай же награду свою, собака!

(Стреляет.)

Крямин падает мертвым. Казаки с криком обнажают сабли. Пугачев, отмахиваясь кинжалом, пятится к стене.

ГОЛОСА

Вяжите его! Вяжите!

ТВОРОГОВ

Бейте! Бейте прямо саблей в морду!

ПЕРВЫЙ ГОЛОС

Натерпелись мы этой прыти...

ВТОРОЙ ГОЛОС

Тащите его за бороду...

ПУГАЧЕВ

...Дорогие мои... Хор-рошие...

Что случилось? Что случилось? Что случилось?

Кто так страшно визжит и хохочет

В придорожную грязь и сырость?

Кто хихикает там исподтишка,

Злобно отплевываясь от солнца?

... ..

...Ах, это осень!

Это осень вытряхивает из мешка

Чеканенные сентябрем червонцы.

Да! Погиб я!

Приходит час...

Мозг, как воск, каплет глухо, глухо...

...Это она!

Это она подкупила вас,

Злая и подлая оборванная старуха.

Это она, она, она,

Разметав свои волосы зарею зыбкой,

Хочет, чтоб сгибла родная страна

Под ее невеселой холодной улыбкой.

ТВОРОГОВ

Ну, рехнулся... чего ж глазеть?

Вяжите!

Чай, не выбьет стены головою.

Слава Богу! конец его зверской резне,

Конец его злобному волчьему вою.

Будет ярче гореть теперь осени медь,

Мак зари черпаками ветров не выхлестать.

Торопитесь же!

Нужно скорей поспеть

Передать его в руки правительства.

ПУГАЧЕВ

Где ж ты? Где ж ты, бывая мощь?

Хочешь встать – и рукою не можешь двинуться!

Юность, юность! Как майская ночь,

Отзвенела ты черемухой в степной провинции.

Вот всплывает, всплывает синь ночная над Доном,

Тянет мягкою гарью с сухих перелесиц.

Золотою известкой над низеньким домом

Брызжет широкий и теплый месяц.

Где-то хрипло и нехотя кукарекнет петух,

В рваные ноздри пылью чихнет околица,

И все дальше, все дальше, встревоживши сонный луг,

Бежит колокольчик, пока за горой не расколется.

Боже мой!

Неужели пришла пора?

Неужель под душой так же падаешь, как под ношей?

А казалось... казалось еще вчера...

Дорогие мои... дорогие... хор-рошие...

Март – август 1921

Анна Снегина

А. Воронскому

«Село, значит, наше – Радово,
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.
Богаты мы лесом и водью,
Есть пастбища, есть поля.
И по всему угодию
Рассажены тополя.
Мы в важные очень не лезем,
Но все же нам счастье дано.
Дворы у нас крыты железом,
У каждого сад и гумно.
У каждого крашены ставни,
По праздникам мясо и квас.
Недаром когда-то исправник
Любил погостить у нас.
Оброки платили мы к сроку,
Но – грозный судья – старшина
Всегда прибавлял к оброку
По мере муки и пшена.
И чтоб избежать напасти,
Излишек нам был без тяго?т.
Раз – власти, на то они власти,
А мы лишь простой народ.
Но люди – все грешные души.
У многих глаза – что клыки.
С соседней деревни Криуши
Косились на нас мужики.
Житье у них было плохое —
Почти вся деревня вскачь
Пахала одной сохою
На паре заезженных кляч.
Каких уж тут ждаты обилий, —
Была бы душа жива.
Украдкой они рубили
Из нашего леса дрова.

Однажды мы их застали...
Они в топоры, мы тож.
От звона и скрежета стали
По телу катилась дрожь.
В скандале убийством пахнет.
И в нашу и в их вину
Вдруг кто-то из них как ахнет! —
И сразу убил старшину.
На нашей быдластой сходке
Мы делу условили ширь.
Судили. Забили в колодки
И десять услали в Сибирь.
С тех пор и у нас неуряды.
Скатилась со счастья вожжа,
Почти что три года кряду
У нас то падеж, то пожар». —
Такие печальные вести
Возница мне пел весь путь.
Я в радовские предместья
Ехал тогда отдохнуть.
Война мне всю душу изъела.
За чей-то чужой интерес
Стрелял я в мне близкое тело
И грудью на брата лез.
И понял, что я – игрушка,
В тылу же купцы да знать,
И, твердо простившись с пушками,
Решил лишь в стихах воевать.
Я бросил мою винтовку,
Купил себе «липу»[1], и вот
С такою-то подготовкой
Я встретил 17-й год.
Свобода взметнулась неистово.
И в розово-смордном огне
Тогда над страну калифствовал
Керенский на белом коне.
Война «до конца», «до победы».
И ту же сермяжную рать

Прохвосты и дармоеды

Сгоняли на фронт умирать.

Но все же не взял я шпагу...

Под грохот и рев мортир

Другую явил я отвагу —

Был первый в стране дезертир.

Дорога довольно хорошая,

Приятная хладная звень.

Луна золотою порошею

Осыпала даль деревень.

«Ну, вот оно, наше Радово, —

Промолвил возница, —

Здесь!

Недаром я лошади вкладывал

За норов ее и спесь.

Позволь, гражданин, на чайшко.

Вам к мельнику надо?

Так вон!..

Я требую с вас без излишка

За дальний такой прогон».

... ..

Даю сороковку.

«Мало!»

Даю еще двадцать.

«Нет!»

Такой отвратительный малый.

А малому тридцать лет.

«Да что ж ты?

Имеешь ли душу?

За что ты с меня гребешь?»

И мне отвечает туша:

«Сегодня плохая рожь.

Давайте еще незвонких

Десяток иль штучек шесть —

Я выпью в шинке самогонки

За ваше здоровье и честь...»

И вот я на мельнице...

Ельник

Осыпан свечью светляков.

От радости старый мельник

Не может сказать двух слов:

«Голубчик! Да ты ли?

Сергуха!

Озяб, чай? Поди, продрог?

Да ставь ты скорее, старуха,

На стол самовар и пирог!»

В апреле прозябнуть трудно,

Особенно так в конце.

Был вечер задумчиво чудный,

Как дружья улыбка в лице.

Объятъя мельника круты,

От них заревет и медведь,

Но все же в плохие минуты

Приятно друзей иметь.

«Откуда? Надолго ли?»

«На год».

«Ну, значит, дружище, гуляй!

Сим летом грибов и ягод

У нас хоть в Москву отбавляй.

И дичи здесь, братец, до черта,

Сама так под порох и прет.

Подумай ведь только...

Четвертый

Тебя не видали мы год...»

... ..

Беседа окончена...

Чинно

Мы выпили весь самовар.

По-старому с шубой овчинной

Иду я на свой сеновал.

Иду я разросшимся садом,

Лицо задевает сирень.

Так мил моим вспыхнувшим взглядам

Состарившийся плетень.

Когда-то у той вон калитки

Мне было шестнадцать лет,
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»
Далекие, милые были.
Тот образ во мне не угас...
Мы все в эти годы любили,
Но мало любили нас.

«Ну что же! Вставай, Сергуша!

Еще и заря не текла,

Старуха за милую душу

Оладьев тебе напекла.

Я сам-то сейчас уеду

К помещице Снегиной...

Ей

Вчера настрелял я к обеду

Прекраснейших дупелей».

Привет тебе, жизни денница!

Встаю, одеваюсь, иду.

Дымком отдает росяница

На яблонях белых в саду.

Я думаю:

Как прекрасна

Земля

И на ней человек.

И сколько с войной несчастных

Уродов теперь и калек!

И сколько зарыто в ямах!

И сколько зароят еще!

И чувствую в скулах упрямых

Жестокую судоргу щек.

Нет, нет!

Не пойду навеки!

За то, что какая-то мразь

Бросает солдату-калеке

Пятак или гривенник в грязь.

«Ну, доброе утро, старуха!

Ты что-то немного сдала...»

И слышу сквозь кашель глухо:

«Дела одолели, дела.

У нас здесь теперь неспокойно.

Испариной все зацвело.

Сплошные мужицкие войны —

Дерутся селом на село.

Сама я своими ушами

Слыхала от прихожан:

То радовцев бьют криушане,

То радовцы бьют криушан.

И все это, значит, безвластье.

Прогнали царя...

Так вот...

Посыпались все напасти

На наш неразумный народ.

Открыли зачем-то остроги,

Злодеев пустили лихих.

Теперь на большой дороге

Покою не знай от них.

Вот тоже, допустим... с Криуши...

Их нужно б в тюрьму за тюрьмой,

Они ж, воровские души,

Вернулись опять домой.

У них там есть Прон Оглоблин,

Булдыжник, драчун, грубиян.

Он вечно на всех озлоблен,

С утра по неделям пьян.

И нагло в третьёвом годе,

Когда объявили войну,

При всем честном народе

Убил топором старшину.

Таких теперь тысячи стало

Творить на свободе гнусь.

Пропала Расея, пропала...

Погибла кормилица Русь...»

Я вспомнил рассказ возницы

И, взяв свою шляпу и трость,

Пошел мужикам поклониться,

Как старый знакомый и гость.

Иду голубою дорожкой

И вижу – навстречу мне

Несется мой мельник на дрожках

По рыхлой еще целине.

«Сергуха! За милую душу!

Постой, я тебе расскажу!

Сейчас! Дай поправить вожжу,

Потом и тебя оглошу.

Чего ж ты мне утром ни слова?

Я Снегиным так и бряк:

Приехал ко мне, мол, веселый

Один молодой чудака.

(Они ко мне очень желанны,

Я знаю их десять лет.)

А дочь их замужняя Анна

Спросила:

– Не тот ли, поэт?

– Ну, да, – говорю, – он самый.

– Блондин?

– Ну, конечно, блондин!

– С кудрявыми волосами?

– Забавный такой господин!

– Когда он приехал?

– Недавно.

– Ах, мамочка, это он!

Ты знаешь,

Он был забавно

Когда-то в меня влюблен.

Был скромный такой мальчишка,

А нынче...

Поди ж ты...

Вот...

Писатель...

Известная шишка...

Без просьбы уж к нам не придет».

И мельник, как будто с победы,

Лукаво прищурил глаз:

«Ну, ладно! Прощай до обеда!

Другое сдержу про запас».

Я шел по дороге в Криушу

И тростью сшибал зелена.

Ничто не пробилось мне в душу,

Ничто не смутило меня.
Струилися запахи сладко,
И в мыслях был пьяный туман...
Теперь бы с красивой солдаткой
Завесть хорошо роман.
Но вот и Криуша...
Три года
Не зрел я знакомых крыш.
Сиреневая погода
Сиренью обрызгала тишь.
Не слышно собачьего лая,
Здесь нечего, видно, стеречь —
У каждого хата гнилая,
А в хате ухваты да печь.
Гляжу, на крыльце у Прона
Горластый мужицкий галдеж.
Толкуют о новых законах,
О ценах на скот и рожь.
«Здорово, друзья!»
«Э, охотник!
Здорово, здорово!
Садись!
Послушай-ка ты, беззаботник,
Про нашу крестьянскую жисть.
Что нового в Питере слышно?
С министрами, чай, ведь знаком?
Недаром, едрит твою в дышло,
Воспитан ты был кулаком.
Но все ж мы тебя не порочим.
Ты – свойский, мужицкий, наш,
Бахвалишься славой не очень
И сердце свое не продашь.
Бывал ты к нам зорким и рьяным,
Себя вынимал на испод...
Скажи:
Отойдут ли крестьянам
Без выкупа пашни господ?
Кричат нам,

Что землю не троньте,

Еще не настал, мол, миг.

За что же тогда на фронте

Мы губим себя и других?»

И каждый с улыбкой угрюмой

Смотрел мне в лицо и в глаза,

А я, отягченный думой,

Не мог ничего сказать.

Дрожали, качались ступени,

Но помню

Под звон головы:

«Скажи,

Кто такое Ленин?»

Я тихо ответил:

«Он – вы».

На корточках ползали слухи,
Судили, решали, шепча.
И я от моей старухи
Достаточно их получал.
Однажды, вернувшись с тяги,
Я лег подремать на диван.
Разносчик болотной влаги,
Меня прознобил туман.
Трясло меня, как в лихорадке,
Бросало то в холод, то в жар,
И в этом проклятом припадке
Четыре я дня пролежал.
Мой мельник с ума, зная, спятил.
Поехал,
Кого-то привез...
Я видел лишь белое платье
Да чей-то привздернутый нос.
Потом, когда стало легче,
Когда прекратилась трясь,
На пятые сутки под вечер
Простуда моя улеглась.
Я встал.
И лишь только пола
Коснулся дрожащей ногой,
Услышал я голос веселый:
«А!
Здравствуйте, мой дорогой!
Давненько я вас не видала.
Теперь из ребяческих лет
Я важная дама стала,
А вы – знаменитый поэт.
... ..
Ну, сядем.
Прошла лихорадка?
Какой вы теперь не такой!
Я даже вздохнула украдкой,

Коснувшись до вас рукой.

Да...

Не вернуть, что было.

Все годы бегут в водоем.

Когда-то я очень любила

Сидеть у калитки вдвоем.

Мы вместе мечтали о славе...

И вы угодили в прицел,

Меня же про это заставил

Забывать молодой офицер...»

Я слушал ее и невольно

Оглядывал стройный лик.

Хотелось сказать:

«Довольно!

Найдемте другой язык!»

Но почему-то, не знаю,

Смущенно сказал невпопад:

«Да... Да...

Я сейчас вспоминаю...

Садитесь.

Я очень рад.

Я вам прочитаю немного

Стихи

Про кабацкую Русь...

Отделано четко и строго.

По чувству – цыганская грусть».

«Сергей!

Вы такой нехороший.

Мне жалко,

Обидно мне,

Что пьяные ваши дебоши

Известны по всей стране.

Скажите:

Что с вами случилось?»

«Не знаю».

«Кому же знать?»

«Наверно, в осеннюю сырость

Меня родила моя мать».

«Шутник вы...»

«Вы тоже, Анна».

«Кого-нибудь любите?»

«Нет».

«Тогда еще более странно

Губить себя с этих лет:

Пред вами такая дорога...»

Сгущалась, туманилась даль...

Не знаю, зачем я трогал

Перчатки ее и шаль.

... ..

Луна хохотала, как клоун.

И в сердце хоть прежнего нет,

По-странному был я полон

Наплывом шестнадцати лет.

Расстались мы с ней на рассвете

С загадкой движений и глаз...

Есть что-то прекрасное в лете,

А с летом прекрасное в нас.

Мой мельник...

Ох, этот мельник!

С ума меня сводит он.

Устроил волюнку, бездельник,

И бегают, как почтальон.

Сегодня опять с запиской,

Как будто бы кто-то влюблен:

«Придите.

Вы самый близкий.

С любовью

Оглоблин Прон».

Иду.

Прихожу в Криушу.

Оглоблин стоит у ворот

И спьяну в печенки и в душу

Костит обнищальный народ.

«Эй, вы!

Тараканье отродье!

Все к Снегиной!..

Р-раз и квас!

Даешь, мол, твои угожья

Без всякого выкупа с нас!»

И тут же, меня завидя,

Снижая сварливую прыть,

Сказал в неподдельной обиде:

«Крестьян еще нужно варить».

«Зачем ты позвал меня, Проша?»

«Конечно, ни жать, ни косить.

Сейчас я достану лошадь

И к Снегиной... вместе...

Просить...»

И вот запрягли нам клячу.

В оглоблях мосластая шкетъ —

Таких отдают с придачей,

Чтоб только самим не иметь.

Мы ехали мелким шагом,

И путь нас смешил и злил:

В подъемах по всем оврагам

Телегу мы сами везли.

Приехали.

Дом с мезонином

Немного присел на фасад.

Волнующе пахнет жасмином

Плетневый его палисад.

Слезаем.

Подходим к террасе

И, пыль отряхая с плеч,

О чьем-то последнем часе

Из горницы слышим речь:

«Рыдай – не рыдай, – не помога...

Теперь он холодный труп...

Там кто-то стучит у порога.

Припудрись...

Пойду отопру...»

Дебелая грустная дама

Откинула добрый засов.

И Прон мой ей брякнул прямо

Про землю,

Без всяких слов.

«Отдай!.. —

Повторял он глухо. —

Не ноги ж тебе целовать!»

Как будто без мысли и слуха

Она принимала слова.

Потом в разговорную очередь

Спросила меня

Сквозь жуть:

«А вы, вероятно, к дочери?

Присядьте...

Сейчас доложу...»

Теперь я отчетливо помню

Тех дней роковое кольцо.

Но было совсем не легко мне

Увидеть ее лицо.

Я понял —

Случилось горе,

И молча хотел помочь.

«Убили... Убили Борю...

Оставьте!

Уйдите прочь!

Вы – жалкий и низкий трусишка.

Он умер...

А вы вот здесь...»

Нет, это уж было слишком.

Не всякий рожден перенести.

Как язвы, стыдясь оплеухи,

Я Прону ответил так:

«Сегодня они не в духе...

Поедем-ка, Прон, в кабак...»

Все лето провел я в охоте.
Забыл ее имя и лик.
Обиду мою
На болоте
Оплакал рыдальщик-кулик.
Бедна наша родина кроткая
В древесную цветень и сочь,
И лето такое короткое,
Как майская теплая ночь.
Заря холодней и багровой.
Туман припадает ниц.
Уже в облетевшей дуброве
Разносится звон синиц.
Мой мельник всю улыбаётся,
Какая-то ве?селость в нем.
«Теперь мы, Сергуха, по зайцам
За милую душу пальнем!»
Я рад и охоте...
Коль нечем
Развеять тоску и сон.
Сегодня ко мне под вечер,
Как месяц, вкатился Прон.
«Дружище!
С великим счастьем!
Настал ожидаемый час!
Приветствую с новой властью!
Теперь мы всех р-раз – и квас!
Без всякого выкупа с лета
Мы пашни берем и леса.
В России теперь Советы
И Ленин – старшой комиссар.
Дружище!
Вот это номер!
Вот это почин так почин.
Я с радости чуть не помер,
А брат мой в штаны намочил.

Едри ж твою в бабушку плюнуть!

Гляди, голубарь, веселей!

Я первый сейчас же коммуны

Устрою в своем селе».

У Прона был брат Лабутя,

Мужик – что твой пятый туз:

При всякой опасной минуте

Хвальбишка и дьявольский трус.

Таких вы, конечно, видали.

Их рок болтовней наградил.

Носил он две белых медали

С японской войны на груди.

И голосом хриплым и пьяным

Тянул, заходя в кабак:

«Прославленному под Ляояном

Ссудите на четвертак...»

Потом, насосавшись до дури,

Взволнованно и горячо

О сдавшемся Порт-Артуре

Соседу слезил на плечо.

«Голубчик! —

Кричал он. —

Петя!

Мне больно... Не думай, что пьян.

Отвагу мою на свете

Лишь знает один Ляоян».

Такие всегда на примете.

Живут, не мозоля рук.

И вот он, конечно, в Совете,

Медали запрятал в сундук.

Но с тою же важной осанкой,

Как некий седой ветеран,

Хрипел под сивушной банкой

Про Нерчинск и Турухан:

«Да, братец!

Мы горе видали,

Но нас не запугивал страх...»

.... .

Медали, медали, медали

Звенели в его словах.

Он Прону вытягивал нервы,

И Прон материл не судом.

Но все ж тот поехал первый

Описывать снегинский дом.

В захвате всегда есть скорость:

– Даешь! Разберем потом!

Весь хутор забрали в волость

С хозяйками и со скотом.

А мельник...

... ..

Мой старый мельник

Хозяек привез к себе,

Заставил меня, бездельник,

В чужой ковыряться судьбе.

И снова нахлынуло что-то...

Тогда я всю ночь напролет

Смотрел на скривленный заботой

Красивый и чувственный рот.

Я помню —

Она говорила:

«Простите... Была не права...

Я мужа безумно любила.

Как вспомню... болит голова...

Но вас

Оскорбила случайно...

Жестокость была мой суд...

Была в том печальная тайна,

Что страстью преступной зовут.

Конечно,

До этой осени

Я знала б счастливую быль...

Потом бы меня вы бросили,

Как выпитую бутылъ...

Поэтому было не надо...

Ни встреч... ни вообще продолжать...

Тем более с старыми взглядами

Могла я обидеть мать».

Но я перевел на другое,

Уставясь в ее глаза,

И тело ее тугое

Немного качнулось назад.

«Скажите,

Вам больно, Анна,

За ваш хуторской разор?»

Но как-то печально и странно

Она опустила свой взор.

... ..

«Смотрите...

Уже светает.

Заря как пожар на снегу...

Мне что-то напоминает...

Но что?..

Я понять не могу...

Ах!.. Да...

Это было в детстве...

Другой... Не осенний рассвет...

Мы с вами сидели вместе...

Нам по шестнадцать лет...»

Потом, оглядев меня нежно

И лебедя выгнув рукой,

Сказала как будто небрежно:

«Ну, ладно...

Пора на покой...»

... ..

Под вечер они уехали.

Куда?

Я не знаю куда.

В равнине, проложенной вехами,

Дорогу найдешь без труда.

Не помню тогдашних событий,

Не знаю, что сделал Прон.

Я быстро умчался в Питер

Развеять тоску и сон.

Суровые, грозные годы!
Ну разве всего описать?
Слыхали дворцовые своды
Солдатскую крепкую «мать».
Эх, удаль!
Цветение в далях!
Недаром чумазый сброд
Играл по дворам на роялях
Коровам тамбовский фокстрот.
За хлеб, за овес, за картошку
Мужик залучил граммофон, —
Слюнявя козлиную ножку,
Танго? себе слушает он.
Сжимая от прибыли руки,
Ругаясь на всякий налог,
Он мыслит до дури о штуке,
Катающейся между ног.
Шли годы
Размашисто, пылко...
Удел хлебороба гас.
Немало попрело в бутылках
«Кере?нок» и «ходей» у нас.
Фефела! Кормилец! Касатик!
Владелец земель и скотом,
За пару измызганных «катек»
Он даст себя выдрать кнутом.
Ну, ладно.
Довольно стонов!
Не нужно насмешек и слов!
Сегодня про участь Прона
Мне мельник прислал письмо:
«Сергуха! За милую душу!
Привет тебе, братец! Привет!
Ты что-то опять в Криуцу
Не кажешься целых шесть лет!
Утешь!

Соберись, на милость!

Прижваривай по весне!

У нас здесь такое случилось,

Чего не расскажешь в письме.

Теперь стал спокой в народе,

И буря пришла в угомон.

Узнай, что в двадцатом годе

Расстрелян Оглоблин Прон.

Расея...

Дуровая зыкъ она.

Хошь верь, хошь не верь ушам —

Однажды отряд Деникина

Нагрянул на криушан.

Вот тут и пошла потеха...

С потехи такой – околеть.

Со скрежетом и со смехом

Гульнула казацкая плеть.

Тогда вот и чикнули Проню,

Лабутя ж в солому залез

И вылез,

Лишь только кони

Казацкие скрылись в лес.

Теперь он по пьяной морде

Еще не устал голосить:

«Мне нужно бы красный орден

За храбрость мою носить».

Совсем прокатились тучи...

И хоть мы живем не в раю,

Ты все ж приезжай, голубчик,

Утешить судьбину мою...»

И вот я опять в дороге.

Ночная июньская хмарь.

Бегут говорливые дроги

Ни шатко ни валко, как встарь.

Дорога довольно хорошая,

Равнинная тихая звень.

Луна золотою порошею

Осыпала даль деревень.

Мелькают часовни, колодцы,

Околицы и плетни.

И сердце по-старому бьется,

Как билось в далекие дни.

Я снова на мельнице...

Ельник

Усыпан свечью светляков.

По-старому старый мельник

Не может связать двух слов:

«Голубчик! Вот радость! Сергуха!

Озяб, чай? Поди, продрог?

Да ставь ты скорее, старуха,

На стол самовар и пирог.

Сергунь! Золотой! Послушай!

... ..

И ты уж старик по годам...

Сейчас я за милую душу

Подарок тебе передам».

«Подарок?»

«Нет...

Просто письмишко.

Да ты не спеши, голубок!

Почти что два месяца с лишком

Я с почты его приволок».

Вскрываю... читаю... Конечно!

Откуда же больше ждать!

И почерк такой беспечный,

И лондонская печать.

«Вы живы?.. Я очень рада...

Я тоже, как вы, жива.

Так часто мне снится ограда,

Калитка и ваши слова.

Теперь я от вас далёко...

В России теперь апрель.

И синею заволокой

Покрыта береза и ель.

Сейчас вот, когда бумаге

Вверяю я грусть моих слов,

Вы с мельником, может, на тяге

Подслушиваете тетеревов.

Я часто хожу на пристань

И, то ли на радость, то ль в страх,

Гляжу среди судов все пристальней

На красный советский флаг.

Теперь там достигли силы.

Дорога моя ясна...

Но вы мне по-прежнему милы,

Как родина и как весна».

... ..

Письмо как письмо.

Беспричинно.

Я в жисть бы таких не писал.

По-прежнему с шубой овчинной

Иду я на свой сеновал.

Иду я разросшимся садом,

Лицо задевает сирень.

Так мил моим вспыхнувшим взглядам

Погорбившийся плетень.

Когда-то у той вон калитки

Мне было шестнадцать лет.

И девушка в белой накидке

Сказала мне ласково: «Нет!»

Далекие милые были!..

Тот образ во мне не угас.

Мы все в эти годы любили,

Но, значит,

Любили и нас.

Январь 1925

Батум

Песнь о Великом походе

Эй вы, встречные,

Поперечные!

Тараканы, сверчки

Запечные!

Не народ, а дрохва

Подбитая!

Русь нечесаная,

Русь немытая.

Вы послушайте

Новый вольный сказ,

Новый вольный сказ

Про житье у нас.

Первый сказ о том,

Что давно было.

А второй – про то,

Что сейчас всплыло.

Для тебя я, Русь,

Эти сказы спел,

Потому что был

И правдив и смел.

Был мастак слагать

Эти притчины,

Не боясь ничьей

Зуботычины.

Ой, во городе

Да во Ипатьеве

При Петре было

При императоре.

Говорил слова

Непутевый дьяк:

«Уж и как у нас, ребята,

Стал быть, царь дурак.

Царь дурак-батрак

Сопли жмет в кулак,

Строит Питер-град

На немецкий лад.

Видно, делать ему

Больше нечего,

Принялся он Русь

Онемечивать.

Бреет он князьям

Брады, усие, —

Как не плакаться
Тут над Русию?
Не тужить тут как
Над судьбиною?
Непослушных он
Бьет дубиною».
Услыхал те слова
Молодой стрелец.
Хвать смутьянщика
За тугой косоц.
«Ты иди, ползи,
Не кочурься, брат.
Я свезу тебя
Прямо в Питер-град.
Привезу к царю,
Кайся, сукин кот!
Кайся, сукин кот,
Что смущал народ!»
По Тверской-Ямской
Под дугою вбряк
С колокольцами
Ехал бедный дьяк.
На четвертый день,
О полднёвых пор,
Прикатил наш дьяк
Ко царю во двор.
Выходил тут царь
С высока крыльца,
Мах-дубинкою
Подозвал стрельца.
«Ты скажи, зачем
Прикатил, стрелец?
Аль с Москвы какой
Потайной гонец?»
«Не гонец я, царь,
Не родня с Москвой.
Я всего лишь есть
Слуга верный твой.

Я привез к тебе

Бунтаря-дьяка.

У него, знать, в жисть

Не болят бока.

В кабаке на весь

На честной народ

Он позорил, царь,

Твой высокий род».

«Ну, – сказал тут Петр, —

Вылезай-кось, вошь!»

Космы дьяковы

Поднялись, как рожь.

У Петра с плеча

Сорвался кулак...

И навек задрал

Лапти кверху дьяк.

У Петра был двор,

На дворе был кол,

На колу – мочало.

Это только, ребята,

Начало.

Ой, суров наш царь,

Алексеич Петр.

Он в единый дух

Ведро пива пьет.

Курит – дым идет

На три сажени,

Во немецких одеждах

Разнаряженный.

Возговорит наш царь

Алексеич Петр:

«Подойди ко мне,

Дорогой Лефорт.

Мастер славный ты:

В Амстердаме был.

Русский царь тебе,

Как батрак, служил.

Он учился там,
Как топор держать.
Ты езжай-кось, мастер,
В Амстердам опять.
Передай ты всем
От Петра поклон.
Да скажи, что сейчас
В страшной доле он.
В страшной доле я
За родную Русь...
Скоро смерть придет,
Помирать боюсь.
Помирать боюсь,
Да и жить не рад:
Кто ж теперь блюсти
Будет Питер-град?
Средь туманов сих
И цепных болот
Снится сгибший мне
Трудовой народ.
Слышу, голос мне
По ночам звенит,
Что на их костях
Лег тугой гранит.
Оттого подчас,
Обступая град,
Мертвецы встают
В строевой парад.
И кричат они,
И вопят они.
От такой крични
Загашай огни.
Говорят слова:
«Мы всему цари!
Попадешься, Петр,
Лишь сумей помри.
Мы сдерем с тебя
Твой лихой чупрын,

Потому что ты
Был собачий сын.
Поблажал ты знать
Со министрами.
На крови для них
Город выстроил.
Но пускай за то
Знает каждый дом —
Мы придем еще,
Мы придем, придем!
Этот город наш,
Потому и тут
Только может жить
Лишь рабочий люд».
Смолк наш царь
Алексеич Петр,
В три ручья с него
Льет холодный пот.
Слушайте, слушайте,
Вы, конечно, народ
Хороший,
Хоть метелью вас крой,
Хоть порошей.
Одним словом,
Миляги!
Не дадите ли
Ковшик браги?
Человечий язык,
Чай, не птичий.
Славный вы, люди,
Придумали
Обычай.
И пушки бьют,
И колокола плачут.
Вы, конечно, понимаете.
Что это значит?
Много было роз,

Много было маков.
Схоронили Петра,
Тяжело оплакав.
И с того ль, что там
Всякий сволок был,
Кто всерьез рыдал,
А кто глаза слюнил.
Но с того вот дня
Да на двести лет
Дуракам-царям
Прямо счету нет.
И все двести лет
Шел подземный гуд:
«Мы придем, придем!
Мы возьмем свой труд.
Мы сгребем дворян
Да по плечи им,
На фонарных столбах
Перевешаем!»
Через двести лет,
В снеговой октябрь,
Затряслась Нева,
Подымая рябь.
Утром встал народ
И на бурю глядь:
На столбах висит
Сволочная знать.
Ай да славный люд!
Ай да Питер-град!
Но с чего же там
Пушки бьют-палят?
Бьют за городом,
Бьют из-за моря.
Понимай как хошь
Ты, душа моя!
Много в эти дни
Совершилось дел.
Я пою о них,

Как спознать сумел.

Веселись, душа

Молодецкая.

Нынче наша власть,

Власть советская.

Офицерика,

Да голубчика

Прикокошили

Вчера в Губчека.

... ..

Гаркнул «Яблочко»

Молодой матрос:

«Мы не так еще

Подотрем вам нос!»

А за Явором,

Под Украйною,

Услыхали мужики

Весть печальную.

Власть советская

Им очень нравится,

Да идут войска

С ней расправиться.

В тех войсках к мужикам

Родовая месть.

И Врангель тут,

И Деникин здесь.

А на помог им,

Как лихих волчат,

Из Сибири шлет отряды

Адмирал Колчак.

Ах, рыбки мои,

Мелки косточки!

Вы, крестьянские ребята,

Подросточки.

Ни ногой вас не взять,

Ни резанами,

Вы гольем пошли гулять

С партизанами.
Красной Армии штыки
В поле светятся.
Здесь отец с сынком
Могут встретиться.
За один удел
Бьется эта рать,
Чтоб владеть землей
Да весь век пахать,
Чтоб шумела рожь
И овес звенел,
Чтобы каждый калачи
С пирогами ел.
Ну и как же тут злобу
Не вынашивать?
На Дону теперь поют
Не по-нашему:
«Пароход идет
Мимо пристани.
Будем рыбу кормить
Коммунистами».
А у нас для них поют:
«Куда ты котишься?
В Вечека попадешь —
Не воротишься».
От одной беды
Целых три растут, —
Вдруг над Питером
Слышен новый гуд.
Не поймет никто,
Отколь гуд идет:
«Ты не смей дремать,
Трудовой народ,
Как под Питером
Рать Юденича».
Что же делать нам
Всем теперича?
И оттуда бьют,

И отсель палят —

Ой ты, бедный люд,

Ой ты, Питер-град!

... ..

Дождик лип тогда

В три погибели.

На корню дожди

Озимь выбили.

И на энтот год

Не шумела рожь.

То не жизнь была,

А в печенки нож.

... ..

А за синим Доном,

Станицы казачьей,

В это время волк ехидный

По-кукушьи плачет.

Говорит Корнилов

Казакам поречным:

«Угостите партизанов

Вишеньем картечным.

С Красной Армией Деникин

Справится, я знаю.

Расстелились наши пики

С Дона до Дунаю».

... ..

Вей сильней и крепче,

Ветер синь-студеный.

С нами храбрый Ворошилов,

Удалой Буденный.

Если крепче жмут,

То сильней орешь.

Мужику одно:

Не топтали б рожь.

А как пошла по ней

Тут рать Деникина —

В сотни верст легла

Прямо в никь она.
Над такой бедой
В стане белых ржут.
Валят сельский скот
И под водку жрут.
Мнут крестьянских жен,
Девок лапают.
«Так и надо вам,
Сиволапые!
Ты, мужик, прохвост!
Сволочь, бестия!
Отплати-кось нам
За поместья.
Отплати за то,
Что ты вещал знать.
Эй, в кнуты их всех,
Растакую мать!»
Ой ты, синяя сирень,
Голубой палисад!
На родимой стороне
Никто жить не рад.
Опустели огороды,
Хаты брошены,
Заливные луга
Не покошены.
И примят овес,
И прибита рожь. —
Где ж теперь, мужик,
Ты приют найдешь?
Но сильнее всего
Те встревожены,
Что ночью не спят
В куртках кожаных,
Кто за бедный люд
Жить и сгибнуть рад,
Кто не хочет сдать
Вольный Питер-град.
Там под Лиговом

Страшный бой кипит.

Питер траурный

Без огней. Не спит.

Миг – и вот сейчас

Враг проломит все,

И прощай мечта

Городов и сел...

Пот и кровь струит

С лиц встревоженных.

Бьют и бьют людей

В куртках кожаных.

Как снопы, лежат

Трупы по полю.

Кони в страхе ржут,

В страхе топают.

Но напор от нас

Все сильнее, сильнее.

Бьются восемь дней,

Бьются девять дней...

На десятый день

Не сдержался враг...

И пошел чесать

По кустам в овраг.

Наши взад им: «Крой!»

Пушки бьют, палят...

Ай да славный люд!

Ай да Питер-град!

А за Белградом,

Окол Харькова,

Кровью ярь мужиков

Перехаркана.

Бедный люд в Москву

Босиком бежит.

И от стога, и от рева

Вся земля дрожит.

Ищут хлеба они,

Просят милости,

Ну и как же злобной воле

Тут не вырасти?

У околицы

Гуляй-полевой

Собиралися

Буйны головы.

Да как стали жечь,

Как давай палить.

У Деникина

Аж живот болит.

Эх, песня,

Песня!

Есть ли что на свете

Чудесней?

Хоть под гусли тебя пой,

Хоть под тальяночку.

Не дадите ли вы мне,

Хлопцы,

Еще баночку?

Ах, яблочко,

Цвета милого!

Бьют Деникина,

Бьют Корнилова.

Цветочек мой,

Цветик маковый.

Ты скорей, адмирал,

Отколчакивай.

Там за степью гул,

Там за степью гром,

Каждый в битве защищает

Свой отцовский дом.

Курток кожаных

Под Донцом не счесть.

Видно, много в Петрограде

Этой масти есть.

В белом стане вопль,

В белом стане стон:

Обступает наша рать

Их со всех сторон.

В белом стане крик,

В белом стане бред.

Как пожар стоит

Золотой рассвет.

И во всех кабаках

Огни светятся...

Завтра многие друг с другом

Уж не встретятся.

И все пьют за царя,

За святую Русь,

В ласках знатных шлюх

Забывая грусть.

В красном стане храп,

В красном стане смрад.

Вонь портяночная

От сапог солдат.

Завтра, еле свет,

Нужно снова в бой.

Спи, корявый мой!

Спи, хороший мой!

Пусть вас золотом

Свет зари кропит.

В куртке кожаной

Коммунар не спит.

На заре, заре

В дождевой крутень

Свистом ядерным

Мы встречали день.

Подымая вверх,

Как тоску, глаза,

В куртке кожаной

Коммунар сказал:

«Братья, если здесь

Одолеют нас,

То октябрьский свет

Навсегда погас.

Будет крыть нас кнут,
Будет крыть нас плеть,
Всем весь век тогда
В нищете корпеть».
С горьким гневом рук,
Утерев слезу,
Ротный наш с тех слов
Сапоги разул.
Громко кашлянув,
«На, – сказал он мне, —
Дома нет сапог,
Передай жене».
На заре, заре
В дождевой крутень
Свистом ядерным
Мы сушили день.
Пуля входит в грудь,
Как пчелы ужал.
Наш отряд тогда
Впереди бежал.
За лощиной пруд,
А за прудом лог.
Коммунар ничком
В землю носом лег.
Мы вперед, вперед!
Враг назад, назад!
Мертвецы пусть так
Под дождем лежат.
Спите, храбрые,
С отзвучавшим ртом!
Мы придем вас всех
Хоронить потом.
Вот и кончен бой,
Машет красный флаг.
Не жалея пят,
Удирает враг.
Удивленный тем,
Что остался цел,

Молча ротный наш

Сапоги надел.

И сказал: «Жене

Сапоги не враз,

Я их сам теперь

Износить горазд».

Вот и кончен бой,

Тот, кто жив, тот рад.

Ай да вольный люд!

Ай да Питер-град!

От полуночи

До сия утра

Над Невой твоей

Бродит тень Петра.

Бродит тень Петра,

Грозно хмурится

На кумачный цвет

В наших улицах.

В берег бьет вода

Пенной индевью...

Корабли плывут

Будто в Индию...

Июль 1924

Поэма о 36

Много в России

Троп.

Что ни тропа —

То гроб.

Что ни верста —

То крест.

До енисейских мест

Шесть тысяч один

Сугроб.

Синий уральский

Ском

Каменным лег

Мешком,

За скомом шумит

Тайга.

Коль вязнет в снегу

Нога,

Попробуй идти

Пешком.

Добро, у кого

Закал,

Кто знает сибирский

Шквал.

Но если ты слаб

И лег,

То, тайно пробравшись

В лог,

Тебя отпоет

Шакал.

Буря и грозный

Вой.

Грузно бредет

Конвой.

Ружья наперевес.

Если ты хочешь

В лес,

Не дорожи

Головой.

Ссылный солдату

Не брат.

Сам подневолен

Солдат.

Если не взял

На прицел, —

Завтра его

Под расстрел.

Но ты не иди

Назад.

Пусть умирает

Тот,

Кто брата в тайгу

Ведет.

А ты под кандалный

Дзин

Шпарь, как седой

Баргузин.

Беги все вперед

И вперед.

Там за Уралом

Дом.

Степь и вода

Кругом.

В синюю гладь

Окна

Скрипкой поет

Луна.

Разве так плохо

В нем?

Славный у песни

Лад.

Мало ли кто ей

Рад.

Там за Уралом

Клен.

Всякий ведь в жизнь

Влюблен

В лунном мерцанье

Хат.

Если ж, где отчая

Весь,

Стройная девушка

Есть,

Вся, как сиреневый

Май,

Вся, как родимый

Край, —

Разве не манит

Песнь?

Буря и грозный

Вой.

Грузно бредет

Конвой.

Ружья наперевес.

Если ты хочешь

В лес,

Не дорожи

Головой.

Колкий, пронзающий

Пух.

Тяжко идти средь

Пург.

Но под кандалный

Дзень,

Если ты любишь

День,

Разве милей

Шлиссельбург?

Там, упираясь

В дверь,

Ходишь, как в клетке

Зверь.

Дума всегда

Об одном:

Может, в краю

Родном

Стало не так

Теперь.

Может, под песню

Вьюг

Умер последний

Друг.

Друг или мать,

Все равно.

Хочется вырвать

Окно

И убежать в луг.

Но долог тюремный

Час.

Зорок солдатский

Глаз.

Если ты хочешь

Знать,

Как тяжело

Убежать, —

Я знаю один

Рассказ.

Их было тридцать

Шесть.

В камере негде

Сесть.

В окнах бурунный

Вспург.

Крепко стоит

Шлиссельбург,

Море поет ему

Песнь.

Каждый из них

Сидел

За то, что был горд

И смел,

Что в гневной своей

Тщете

К рыдающим в нищете

Большую любовь

Имел.

Ты помнишь, конечно,

Тот

Клокочущий пятым

Год,

Когда из-за стен

Баррикад

Целился в брата

Брат.

Тот в голову, тот

В живот.

Один защищал

Закон —

Невольник, влюбленный

В трон.

Другой этот трон

Громил,

И брат ему был

Не мил.

Ну, разве не прав был

Он?

Ты помнишь, конечно,

Как

Нагайкой свистел

Казак?

Тогда у склоненных

Ниц

С затылков и поясиц

Капал горячий

Мак.

Я знаю, наверно,

И ты

Видал на снегу

Цветы.

Ведь каждый мальчишкой

Рос,

Каждому били

Нос

В кулачной на все

«Сорты».

Но тех я цветов

Не видал,

Был еще глуп

И мал,

И не читал еще

Книг.

Но если бы видел

Их,

То разве молчать

Стал?

Их было тридцать

Шесть.

В каждом кипела

Мечь.

Каждый оставил

Дом

С ивами над прудом,

Но не забыл о нем

Песнь.

Раз комендант

Сказал:

«Тесен для вас

Зал.

Пять я таких

Приму

В камеру по одному,

Тридцать один —

На вокзал».

Поле и снежный

Звон.

Клетчатый мчится

Вагон.

Рельсы грызет

Паровоз.

Разве уместен

Вопрос:

Куда их доставит

Он?

Много в России

Троп.

Что ни тропа —

То гроб.

Что ни верста —

То крест.

До енисейских мест

Шесть тысяч один

Сугроб.

Поезд на всех

Парах.

В каждом неясный

Страх.

Видно, надев

Браслет,

Гонят на много

Лет

Золото рыть

В горах.

Может случиться

С тобой

То, что достанешь

Киркой,

Дочь твоя там,

Вдалеке,

Будет на левой

Руке

Перстень носить

Золотой.

Поле и снежный

Звон.

Клетчатый мчится

Вагон.

Вдруг тридцать первый

Встал

И шепотом так сказал:

«Нынче мне ночь

Не в сон.

Нынче мне в ночь

Не лежать.

Я твердо решил

Бежать.

Благо, что ночь

Не в луне.

Вы помогите

Мне

Тело мое

Поддержать.

Клетку уж я

Пилой...

Выручил снежный

Вой.

Вы заградите меня

Подле окна

От огня,

Чтоб не видал

Конвой».

Тридцать столпились

В ряд,

Будто о чем

Говорят,

Будто глядят

На снег.

Разве так труден

Побег,

Если огни

Не горят?

Их оставалось

Пять.

Каждый имел

Кровать.

В окнах бурунный

Вспург.

Крепко стоит

Шлиссельбург.

Только в нем плохо

Спать.

Разве тогда

Уснешь,

Если все видишь

Рожь,

Видишь родной
Плетень,
Синий, звенящий
День,
И ты по меже
Идешь?
Тихий вечерний
Час.
Колокол бьет
Семь раз.
Месяц широк
И ал.
Так бы дремал
И дремал,
Не подымая глаз.
Глянешь, на окнах
Пух.
Скучный, несчастный
Друг,
Ночь или день,
Все равно.
Хочется вырвать
Окно
И убежать в луг.
Пятый страдать
Устал.
Где-то подпилок
Достал.
Ночью скребет
И скребет,
Капает с носа
Пот
Через губу в оскал.
Раз при нагрузке
Дров
Он поскользнулся
В ров...
Смотрят, уж он

На льду,
Что-то кричит
На ходу.
Крикнул – и будь
Здоров.
Быстро бегут
Дни.
День колесу
Сродни.
Снежной январской
Порой
В камере сорок
Второй
Встретились вновь
Они.
Пятому глядя
В глаза,
Тридцать первый
Сказал:
«Там, где струится
Обь,
Есть деревушка
Топь
И очень хороший
Вокзал.
В жизни живут лишь
Раз,
Я вспоминать
Не горазд.
Глупый сибирский
Чалдон,
Скуп, как сто дьяволов,
Он.
За пятак продаст.
Снежная белая
Гладь.
Нечего мне

Вспоминать.

Знаю одно:

Без грез

Даже в лихой

Мороз

Сладко на сене

Спать».

Пятый сказал

В ответ:

«Мне уже сорок

Лет.

Но не угас мой

Бес,

Так все и тянет

В лес,

В синий вечерний

Свет.

Много сказать

Не могу:

Час лишь лежал я

В снегу,

Слушал метельный

Вой,

Но помешал

Конвой

С ружьями на бегу».

*

Серая, хмурая

Высь,

Тучи с землею

Слились.

Ты помнишь, конечно,

Тот

Метельный семнадцатый

Год,

Когда они

Разошлись?

Каждый пошел в свой

Дом
С ивами над прудом.
Видел луну
И клен,
Только не встретил
Он
Сердцу любимых
В нем.
Их было тридцать
Шесть.
В каждом кипела
Мечь.
И каждый в октябрьский
Звон
Пошел на влюбленных
В трон,
Чтоб навсегда их
Сместь.
Быстро бегут
Дни.
Встретились вновь
Они.
У каждого новый
Дом.
В лёжку живут лишь
В нем,
Очей загасив
Огни.
Тихий вечерний
Час.
Колокол бьет
Семь раз.
Месяц широк
И ал.
Тот, кто теперь
Задремал,
Уж не поднимет

Глаз.

Теплая синяя

Весь,

Всякие песни

Есть...

Над каждым своя

Звезда...

Мы же поем

Всегда:

Их было тридцать

Шесть.

<Август 1924>

Черный человек

Друг мой, друг мой,

Я очень и очень болен.

Сам не знаю, откуда взялась эта боль.

То ли ветер свистит

Над пустым и безлюдным полем,

То ль, как рощу в сентябрь,

Осыпает мозги алкоголь.

Голова моя машет ушами,

Как крыльями птица.

Ей на шее ноги

Маячить больше невмочь.

Черный человек,

Черный, черный,

Черный человек

На кровать ко мне садится,

Черный человек

Спать не дает мне всю ночь.

Черный человек

Водит пальцем по мерзкой книге

И, гнусава надо мной,

Как над усопшим монах,

Читает мне жизнь

Какого-то прохвоста и забулдыги,

Нагоняя на душу тоску и страх.

Черный человек,

Черный, черный!

«Слушай, слушай, —

Бормочет он мне, —

В книге много прекраснейших

Мыслей и планов.

Этот человек

Проживал в стране

Самых отвратительных

Громил и шарлатанов.

В декабре в той стране

Снег до дьявола чист,

И метели заводят

Веселые прялки.

Был человек тот авантюрист,

Но самой высокой

И лучшей марки.

Был он изящен,

К тому ж поэт,

Хоть с небольшой,

Но ухватистой силою,

И какую-то женщину,

Сорока с лишним лет,

Называл скверной девочкой

И своею милою».

«Счастье, — говорил он, —

Есть ловкость ума и рук.

Все неловкие души

За несчастных всегда известны.

Это ничего,

Что много мук

Приносят изломанные

И лживые жесты.

В грозы, в бури,

В житейскую стынь,

При тяжелых утратах

И когда тебе грустно,

Казаться улыбчивым и простым —

Самое высшее в мире искусство».

«Черный человек!

Ты не смеешь этого!

Ты ведь не на службе

Живешь водолазовой.

Что мне до жизни

Скандального поэта.

Пожалуйста, другим

Читай и рассказывай».

Черный человек

Глядит на меня в упор.

И глаза покрываются

Голубой блевотой, —

Словно хочет сказать мне,

Что я жулик и вор,

Так бесстыдно и нагло

Обокравший кого-то.

... ..

Друг мой, друг мой,

Я очень и очень болен.

Сам не знаю, откуда взялась эта боль.

То ли ветер свистит

Над пустым и безлюдным полем,

То ль, как рошу в сентябрь,

Осыпает мозги алкоголь.

Ночь морозная.

Тих покой перекрестка.

Я один у окошка,

Ни гостя, ни друга не жду.

Вся равнина покрыта

Сыпучей и мягкой известкой,

И деревья, как всадники,

Съехались в нашем саду.

Где-то плачет

Ночная зловещая птица.

Деревянные всадники

Сеют копытливый стук.

Вот опять этот черный

На кресло мое садится,
Приподняв свой цилиндр
И откинув небрежно сюртук.
«Слушай, слушай! —
Хрипит он, смотря мне в лицо,
Сам все ближе
И ближе клонится. —
Я не видел, чтоб кто-нибудь
Из подлецов
Так ненужно и глупо
Страдал бессонницей.
Ах, положим, ошибся!
Ведь нынче луна.
Что же нужно еще
Напоенному дремой миру?
Может, с толстыми ляжками
Тайно придет «она»,
И ты будешь читать
Свою дохлую томную лирику?
Ах, люблю я поэтов!
Забавный народ.
В них всегда нахожу я
Историю, сердцу знакомую, —
Как прыщавой курсистке
Длинноволосый урод
Говорит о мирах,
Половой истекая истомою.
Не знаю, не помню,
В одном селе,
Может, в Калуге,
А может, в Рязани,
Жил мальчик
В простой крестьянской семье,
Желтоволосый,
С голубыми глазами...
И вот стал он взрослым,
К тому ж поэт,

Хоть с небольшой,
Но ухватистой силою,
И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И своею милою».

«Черный человек!
Ты прескверный гость.

Эта слава давно
Про тебя разносится».

Я взбешен, разъярен,
И летит моя трость

Прямо к морде его,
В переносицу...

... ..

...Месяц умер,
Синеет в окошко рассвет.

Ах ты, ночь!

Что ты, ночь, наковеркала?

Я в цилиндре стою.

Никого со мной нет.

Я один...

И разбитое зеркало...

<1923 – 14 ноября 1925>

Страна негодяев

(Драматическая поэма)

Персонал

Комиссар из охраны железнодорожной линии ЧЕКИСТОВ.

ЗАМАРАШКИН – сочувствующий коммунистам. Доброволец.

БАНДИТ НОМАХ.

РАССВЕТОВ.

Комиссары приисков:

ЧАРИН.

ЛОБОК.

КОМЕНДАНТ ПОЕЗДА.

КРАСНОАРМЕЙЦЫ.

РАБОЧИЕ.

СОВЕТСКИЙ СЫЩИК ЛИТЗА-ХУН.

ПОВСТАНЕЦ БАРСУК.

ПОВСТАНЦЫ.

МИЛИЦИОНЕРЫ.

Часть первая

На карауле

Снежная чаща. Железнодорожная будка Уральской линии. Чекистов, охраняющий линию, ходит с одного конца в другой.

ЧЕКИСТОВ

Ну и ночь! Что за ночь!

Черт бы взял эту ночь

С б..... холодом

И такой темнотой,

С тем, что нужно без устали

Бельма перить.

... ..

Стой!

Кто идет?

Отвечай!..

А не то

Мой наган разmozжит твой череп!

Стой, холера тебе в живот.

ЗАМАРАШКИН

Тише... тише...

Легче бранись, Чекистов!

От ругательств твоих

Даже у будки краснеют стены.

И с чего это, брат мой,

Ты так неистов?

Это ж... я... Замарашкин...

Иду на смену...

ЧЕКИСТОВ

Черт с тобой, что ты Замарашкин!

Я ведь не собака,

Чтоб слышать носом.

ЗАМАРАШКИН

Ох, и зол же ты, брат мой!..

Аж до печенок страшно...

Я уверен, что ты страдаешь

Кровавым поносом...

ЧЕКИСТОВ

Ну конечно, страдаю!..

От этой проклятой селедки

Может вконец развалиться брюхо.

О!

Если б теперь... рюмку водки...

Я бы даже не выпил...

А так...

Понюхал...

... ..

Знаешь? Когда эту селедку берешь за хвост,

То думаешь,

Что вся она набита рисом...

Разломаешь,

Глядь:

Черви... Черви...

Жирные белые черви...

Дьявол нас, знать, занес

К этой грязной мордве

И вонючим черемисам!

ЗАМАРАШКИН

Что ж делать,

Когда выпал такой нам год?

Скверный год! Отвратительный год!

Это еще ничего...

Там... За Самарой... Я слышал...

Люди едят друг друга...

Такой выпал нам год!

Скверный год!

Отвратительный год!

И к тому же еще чертова вьюга.

ЧЕКИСТОВ

Мать твою в эт-твою!

Ветер, как сумасшедший мельник,

Крутит жерновами облаков

День и ночь...

День и ночь...

А народ ваш сидит, бездельник,

И не хочет себе ж помочь.

Нет бездарней и лицемерней,

Чем ваш русский равнинный мужик!

Коль живет он в Рязанской губернии,

Так о Тульской не хочет тужить.

То ли дело Европа?

Там тебе не вот эти хаты,

Которым, как глупым курам,

Головы нужно давно под топор...

ЗАМАРАШКИН

Слушай, Чекистов!..

С каких это пор

Ты стал иностранец?

Я знаю, что ты еврей,

Фамилия твоя Лейбман,

И черт с тобой, что ты жил

За границей...

Все равно в Могилеве твой дом.

ЧЕКИСТОВ

Ха-ха!

Нет, Замарашкин!

Я гражданин из Веймара

И приехал сюда не как еврей,

А как обладающий даром

Укрощать дураков и зверей.

Я ругаюсь и буду упорно

Проклинать вас хоть тысячи лет,

Потому что...

Потому что хочу в уборную,

А уборных в России нет.

Станный и смешной вы народ!

Жили весь век свой нищими

И строили храмы Божие...

Да я б их давным-давно

Перестроил в места отхожие.

Ха-ха!

Что скажешь, Замарашкин?

Ну?

Или тебе обидно,

Что ругают твою страну?

Бедный! Бедный Замарашкин...

ЗАМАРАШКИН

Черт-те что ты городишь, Чекистов!

ЧЕКИСТОВ

Мне нравится околёсина.

Видишь ли... я в жизни

Был бедней церковного мыша

И глодал вместо хлеба камни.

Но у меня была душа,

Которая хотела быть Гамлетом.

Глупая душа, Замарашкин!

Ха-ха!

А когда я немного подрос,

Я увидел...

Слышатся шаги.

Тише... Помолчи, голубчик...

Кажется... кто-то... кажется...

Черт бы взял этого мерзавца Номаха

И всю эту банду повстанцев!

Я уверен, что нынче ночью

Ты заснешь, как плаха,

А он опять остановит поезд

И разграбит станцию.

ЗАМАРАШКИН

Я думаю, этой ночью он не придет.

Нынче от холода в воздухе

Дохли птицы.

Для конницы нынче

Дорога скользка, как лед,

А с пехотой прийти

Он и сам побоится.

Нет! этой ночью он не придет!

Будь спокоен, Чекистов!

Это просто с мороза проскрипело дерево...

ЧЕКИСТОВ

Хорошо! Я спокоен. Сейчас уйду.

Продрог до костей от волчьей стужи.

А в казарме сегодня,

Как на беду,

Из прогнившей картошки

Холодный ужин.

Эх ты, Гамлет, Гамлет!

Ха-ха, Замарашкин!..

Прощай!

Карауль в оба!..

ЗАМАРАШКИН

Хорошего аппетита!

Спокойной ночи!

ЧЕКИСТОВ

Мать твою в эт-твою!

(Уходит.)

Ссора из-за фонаря

Некоторое время Замарашкин расхаживает около будки один. Потом неожиданно подносит руку к губам и издает в два пальца осторожный свист. Из чащи, одетый в русский полушубок и в шапку-ушанку, выскакивает Нوماх.

НОМАХ

Что говорил тебе этот коммунист?

ЗАМАРАШКИН

Слушай, Нوماх! Оставь это дело.

Они за тебя по-настоящему взялись.

Как бы не на столбе

Очутилось твое тело.

НОМАХ

Ну так что ж!

Для ворон будет пища.

ЗАМАРАШКИН

Но ты должен щадить других.

НОМАХ

Что другие?

Свора голодных нищих.

Им все равно...

В этом мире немытом

Душу человеческую

Ухорашивают рублем,
И если преступно здесь быть бандитом,
То не более преступно,
Чем быть королем...
Я слышал, как этот прохвост
Говорил тебе о Гамлете.
Что он в нем смыслит?
Гамлет восстал против лжи,
В которой варился королевский двор.
Но если б теперь он жил,
То был бы бандит и вор.

Потому что человеческая жизнь
Это тоже двор,
Если не королевский, то скотный.

ЗАМАРАШКИН

Помнишь, мы зубрили в школе?
«Слова, слова, слова...»
Впрочем, я вас обоих
Слушаю неохотно.
У меня есть своя голова.
Я только всему свидетель,
В тебе ж люблю старого друга.
В час несчастья с тобой на свете
Моя помощь к твоим услугам.

НОМАХ

Со мною несчастье всегда.
Мне нравятся жулики и воры.
Мне нравятся груди,
От гнева спертые.
Люди устраивают договоры,
А я посылаю их к черту.
Кто смеет мне быть правителем?
Пусть те, кому дорог хлев,
Называются гражданами и жителями
И жиреют в паршивом тепле.
Это все твари тленные!
Предмет для навозных куч!
А я – гражданин вселенной,

Я живу, как я сам хочу!

ЗАМАРАШКИН

Слушай, Номах... Я знаю,

Быть может, ты дьявольски прав,

Но все ж... Я тебе желаю

Хоть немного смирить свой нрав.

Подумай... Не завтра, так после...

Не после... Так после опять...

Слова ведь мои не кости,

Их можно легко прожевать.

Ты понимаешь, Номах?

НОМАХ

Ты думаешь, меня это страшит?

Я знаю мою игру.

Мне здесь на все наплевать.

Я теперь вконец отказался от многого,

И в особенности от государства,

Как от мысли праздной,

Оттого что постиг я,

Что все это договор,

Договор зверей окраски разной.

Люди обычаи чтут как науку,

Да только какой же в том смысл и прок,

Если многие громко сморкаются в руку,

А другие обязательно в носовой платок.

Мне до дьявола противны

И те и эти.

Я потерял равновесие...

И знаю сам —

Конечно, меня подвесят

Когда-нибудь к небесам.

Ну так что ж!

Это еще лучше!

Там можно прикуривать о звезды...

Но...

Главное не в этом.

Сегодня проходит экспресс,

В 2 ночи —

46 мест.

Красноармейцы и рабочие.

Золото в слитках.

ЗАМАРАШКИН

Ради Бога, меня не впутывай!

НОМАХ

Ты дашь фонарь?

ЗАМАРАШКИН

Какой фонарь?

НОМАХ

Красный.

ЗАМАРАШКИН

Этого не будет!

НОМАХ

Будет хуже.

ЗАМАРАШКИН

Чем хуже?

НОМАХ

Я разберу рельсы.

ЗАМАРАШКИН

Номах! Ты подлец!

Ты хочешь меня под расстрел...

Ты хочешь, чтоб трибунал...

НОМАХ

Не беспокойся! Ты будешь цел.

Я 200 повстанцев сюда пригнал.

Коль боишься расстрела,

Бежим со мной.

ЗАМАРАШКИН

Я? С тобой?

Да ты спятил с ума!

НОМАХ

В голове твоей бродит

Непроглядная тьма.

Я думал — ты смел,

Я думал — ты горд,

А ты только лишь лакей

Узаконенных держиморд.

Ну так что ж!

У меня есть выход другой,

Он не хуже...

ЗАМАРАШКИН

Я не был никогда слугой.

Служит тот, кто трус.

Я не пленник в моей стране,

Ты меня не заманишь к себе.

Уходи! Уходи!

Уходи, ради дружбы.

НОМАХ

Ты, как сука, скулишь при луне...

ЗАМАРАШКИН

Уходи! Не заставь скорбеть...

Мы ведь товарищи старые...

Уходи, говорю тебе...

(Трясет винтовкой.)

А не то вот на этой гитаре

Я сыграю тебе разлуку.

НОМАХ

(смеясь)

Слушай, защитник коммуны,

Ты, пожалуй, этой гитарой

Оторвешь себе руку.

Спрячь-ка ее, бесструнную,

Чтоб не охрипла на холоде.

Я и сам ведь сонату лунную

Умею играть на кольте.

ЗАМАРАШКИН

Ну и играй, пожалуйста.

Только не здесь!

Нам такие музыканты не нужны.

НОМАХ

Все вы носите овечьи шкуры,

И мясник пасет для вас ножи.

Все вы стадо!

Стадо! Стадо!

Неужели ты не видишь? Не поймешь,

Что такого равенства не надо?

Ваше равенство – обман и ложь.

Старая гнусавая шарманка

Этот мир идейных дел и слов.

Для глупцов – хорошая приманка,

Подлецам – порядочный улов.

Дай фонарь!

ЗАМАРАШКИН

Иди ты к черту!

НОМАХ

Тогда не гневайся,

Пускай тебя не обижает

Другой мой план.

ЗАМАРАШКИН

Ни один план твой не пройдет.

НОМАХ

Ну, это мы еще увидим...

... ..

Послушай, я тебе скажу:

Коль я хочу,

Так, значит, надо.

Ведь я башкой моей не дорожу

И за грабеж не требую награды.

Все, что возьму,

Я все отдам другим.

Мне нравится игра,

Ни слава и ни злато.

Приятно мне под небом голубым

Утешить бедного и вшивого собрата.

Дай фонарь!

ЗАМАРАШКИН

Отступись, Номах!

НОМАХ

Я хочу сделать для бедных праздник.

ЗАМАРАШКИН

Они сделают его сами.

НОМАХ

Они сделают его через 1000 лет.

ЗАМАРАШКИН

И то хорошо.

НОМАХ

А я сделаю его сегодня.

... ..

Бросается на Замарашкина и давит его за горло. Замарашкин падает. Номах завязывает ему рот платком и скручивает веревками руки и ноги. Некоторое время он смотрит на лежащего, потом идет в будку и выходит оттуда с зажженным красным фонарем.

Часть вторая

Экспресс № 5

Салон-вагон. В вагоне страшно накурено. Едут комиссары и рабочие. Ведут спор.

РАССВЕТОВ

Чем больше гляжу я на снежную ширь,

Тем думаю все упорнее.

Черт возьми!

Да ведь наша Сибирь

Богаче, чем желтая Калифорния.

С этими запасами руды

Нам не страшна никакая

Мировая блокада.

Только работай! Только трудись!

И в республике будет,

Что кому надо.

Можно ль представить,

Что в месяц один

Открыли пять золотоносных жил.

В Америке это было бы сенсацией,

На бирже стоял бы рев.

Маклера бы скупали акции,

Выдавая 1 пуд за 6 пудов.

Я работал в клондайкских приисках,

Где один нью-йоркский туз

За 3 миллиона без всякого риска

121/2 положил в картуз.

А дело все было под шепот,

Просто биржевой трюк,

Но многие, денежки вхлопав,

Остались почти без брюк.
О! эти американцы...
Они – неуничтожимая моль.
Сегодня он в оборванцах,
А завтра золотой король.
Так было и здесь...
Самый простой прощельга,
Из индианских мест,
Жил, по-козлиному прыгал
И вдруг в богачи пролез.
Я помню все шуки эти.
Мы жили в ночлежках с ним.
Он звал меня мистер Развети.
А я его – мистер Джим.
«Послушай, – сказал он, – please[2],
Ведь это не написано в брамах,
Чтобы без whisky и miss
Мы валялись с тобою в ямах.
У меня в животе лягушки
Завелись от голодных дум.
Я хочу хорошо кушать
И носить хороший костюм.
Есть одна у меня затея,
И если ты не болван,
То без всяких словес, не потея,
Согласишься на этот план.
Нам нечего очень стараться,
Чтоб расходовать жизненный сок.
Я знаю двух-трех мерзавцев,
У которых золотой песок.
Они нам отыщут банкира
(т. е. мерзавцы эти),
И мы будем королями мира...
Ты понял, мистер Развети?»
«Открой мне секрет, Джим!» —
Сказал я ему в ответ,
А он мне сквозь трубочный дым
Пробулькал:

«Секретов нет!

Мы просто возьмем два ружья,

Зарядим золотым песком

И будем туда стрелять,

Куда нам укажет Том».

(А Том этот был рудокоп —

Мошенник, каких поискать.)

И вот мы однажды тайком

В Клондайке.

Нас целая рать...

И по приказу, даденному

Под браунинги в висок,

Мы в четыре горы громадины

Золотой стреляли песок,

Как будто в слонов лежащих,

Чтоб достать дорогую кость.

И громом гремела в чашах

Ружей одичалая злость.

Наш предводитель живо

Шлет телеграмму потом:

«Открыли золотую жилу.

Приезжайте немедленно.

Том».

А дело было под шепот,

Просто биржевой трюк...

Но многие, денежки вхлопав,

Остались почти без брюк.

ЧАРИН

Послушай, Рассветов! и что же,

Тебя не смутил обман?

РАССВЕТОВ

Не все ли равно,

К какой роже

Капиталы текут в карман.

Мне противны и те и эти.

Все они —

Класс грабительских банд.

Но должен же, друг мой, на свете

Жить Рассветов Никандр.

ГОЛОС ИЗ ГРУППЫ

Правильно!

ДРУГОЙ ГОЛОС

Конечно, правильно!

ТРЕТИЙ ГОЛОС

С паршивой овцы хоть шерсти

Человеку рабочему клок.

ЧАРИН

Значит, по этой версии

Подлость подчас не порок?

ПЕРВЫЙ ГОЛОС

Ну конечно, в собачьем стане,

С философией жадных собак,

Защищать лишь себя не станет

Тот, кто навек дурак.

РАССВЕТОВ

Дело, друзья, не в этом.

Мой рассказ вскрывает секрет.

Можно сказать перед всем светом,

Что в Америке золота нет.

Там есть соль,

Там есть нефть и уголь,

И железной много руды.

Кладоискателей вьюга

Замела золотые следы.

Калифорния – это мечта

Всех пропойц и неумных бродяг.

Тот, кто глуп или мыслить устал,

Прозябает в ее краях.

Эти люди – гнилая рыба.

Вся Америка – жадная пасть,

Но Россия: вот это глыба...

Лишь бы только Советская власть!..

Мы, конечно, во многом отстали.

Материк наш:

Лес, степь да вода.

Из железобетона и стали

Там настроены города.

Вместо наших глухих раздолий

Там, на каждой почти полосе,

Перерезано рельсами поле

С цепью каменных рек – шоссе.

И по каменным рекам без пыли,

И по рельсам без стона шпал

И экспрессы и автомобили

От разбега в бензинном мыле

Мчат, секундой считая доллар,

Места нет здесь мечтам и химерам,

Отшумела тех лет пора.

Все курьеры, курьеры, курьеры,

Маклера, маклера, маклера.

От еврея и до китайца

Проходимец и джентельмен,

Все в единой графе считаются

Одинаково – business men[3],

На цилиндры, шапо и кепи

Дождик акций свистит и льет.

Вот где вам мировые цепи,

Вот где вам мировое жулье.

Если хочешь здесь душу выржать,

То сочтут: или глуп, или пьян.

Вот она – мировая биржа!

Вот они – подлецы всех стран.

ЧАРИН

Да, Рассветов! но все же, однако,

Ведь и золота мы хотим.

И у нас биржевая клоака

Расстигает свой едкий дым.

Никому ведь не станет в новинки,

Что в кремлевские буфера

Уцепились когтями с Ильинки

Маклера, маклера, маклера...

И в ответ партийной команде,

За налоги на крестьянский труд,
По стране свищет банда на банде,
Волю власти считая за кнут.
И кого упрекнуть нам можно?
Кто сумеет закрыть окно,
Чтоб не видеть, как свора острожная
И крестьянство так любят Махно?
Потому что мы очень строги,
А на строгость ту зол народ,
У нас портят железные дороги,
Гибнут озими, падает скот.
Люди с голоду бросились в бегство,
Кто в Сибирь, а кто в Туркестан,
И оскалилось людоедство
На сплошной недород у крестьян.
Их озлобили наши поборы,
И, считая весь мир за бедлам,
Они думают, что мы воры
Иль поблажку даем вора.
Потому им и любы бандиты,
Что всосали в себя их гнев.
Нужно прямо сказать, открыто,
Что республика наша – bluff[4],
Мы не лучшее, друг мой, дерьмо.

РАССВЕТОВ

Нет, дорогой мой!
Я вижу, у вас
Нет понимания масс.
Ну кому же из нас не известно
То, что ясно как день для всех.
Вся Россия – пустое место.
Вся Россия – лишь ветер да снег.
Этот отзыв ни резкий, ни черствый.
Знают все, что до наших лбов
Мужики караулили версты
Вместо пегих дорожных столбов.
Здесь все дошли в холере и оспе.
Не страна, а сплошной бивуак.

Для одних – золотые россыпи,
Для других – непроглядный мрак.
И кому же из нас незнакомо,
Как на теле паршивый прыщ
Тыщи лет из бревна да соломы
Строят здания наших жилищ
10 тысяч в длину государство,
В ширину окло верст тысяч 3-х.
Здесь одно лишь нужно лекарство —
Сеть шоссе и железных дорог.
Вместо дерева нужен камень,
Черепица, бетон и жесьть.
Города создаются руками,
Как поступками – слава и честь.
Подождите!
Лишь только клизму
Мы поставим стальную стране,
Вот тогда и конец бандитизму,
Вот тогда и конец резне.

Слышатся тревожные свистки паровоза. Поезд замедляет ход. Все вскакивают.

РАССВЕТОВ

Что такое?

ЛОБОК

Тревога!

ПЕРВЫЙ ГОЛОС

Тревога!

РАССВЕТОВ

Позовите коменданта!

КОМЕНДАНТ

(вбегая)

Я здесь.

РАССВЕТОВ

Что случилось?

КОМЕНДАНТ

Красный фонарь...

РАССВЕТОВ

(смотрит в окно)

Гм... да... я вижу...

ЛОБОК

Дьявольская метель...

Вероятно, занос.

КОМЕНДАНТ

Сейчас узнаем...

Поезд останавливается. Комендант выбегает.

РАССВЕТОВ

Это не станция и не разъезд,

Просто маленькая железнодорожная будка.

ЛОБОК

Мне говорили, что часто здесь

Поезда прозябают по целым суткам.

Ну, а еще я слышал...

ЧАРИН

Что слышал?

ЛОБОК

Что здесь немного шалят.

РАССВЕТОВ

Глупости...

ЛОБОК

Для кого как.

Входит комендант.

РАССВЕТОВ

Ну?

КОМЕНДАНТ

Здесь стрелочник и часовой

Говорят, что отсюда за 1/2 версты

Сбита рельса.

РАССВЕТОВ

Надо поправить.

КОМЕНДАНТ

Часовой говорит, что до станции

По другой ветке верст 8.

Можно съездить туда

И захватить мастеров.

РАССВЕТОВ

Отцепляйте паровоз и поезжайте.

КОМЕНДАНТ

Это дело 30 минут.

Уходит. Рассветов и другие остаются, погруженные в молчание.

После 30 минут

КРАСНОАРМЕЕЦ

(вбегая в салон-вагон)

Несчастье! Несчастье!

ВСЕ

(вперебой)

Что такое?..

Что случилось?..

Что такое?..

КРАСНОАРМЕЕЦ

Комендант убит.

Вагон взорван.

Золото ограблено.

Я ранен.

Несчастье! Несчастье!

Вбегает рабочий.

РАБОЧИЙ

Товарищи! Мы обмануты!

Стрелочник и часовой

Лежат здесь в будке.

Они связаны.

Это провокация бандитов.

РАССВЕТОВ

За каким вы дьяволом

Увезли с собой вагон?

КРАСНОАРМЕЕЦ

Комендант послушался стрелочника...

РАССВЕТОВ

Мертвый болван!

КРАСНОАРМЕЕЦ

Лишь только мы завернули

На этот... другой путь,

Часовой сразу 2 пули

Всадил коменданту в грудь.

Потом выстрелил в меня.

Я упал...

Потом он громко свистнул,

И вдруг, как из-под земли,

Сугробы взрывая,

Нас окружили в приступ

Около двухсот негодяев.

Машинисту связали руки,

В рот запихали платок.

Потом я услышал стуки

И взрыв, где лежал песок.

Метель завывала чертом.

В плече моем нить и течь.

Я притворился мертвым

И понял, что надо бечь.

ЛОБОК

Я знаю этого парня,

Что орудует в этих краях.

Он, кажется, родом с Украины

И кличку носит Номах.

РАССВЕТОВ

Номах?

ЛОБОК

Да. Номах.

Вбегаёт второй красноармеец.

2-Й КРАСНОАРМЕЕЦ

Рельсы в полном порядке!

Так что, выходит, обман...

РАССВЕТОВ

(хватаясь за голову)

И у него не хватило догадки!..

Мертвый болван!

Мертвый болван!

Часть третья

О чем говорили на вокзале N в следующий день

ЗАМАРАШКИН

(один около стола с телефоном)

Если б я не был обижен,

Я, может быть, и не сказал,

Но теперь я отчетливо вижу,

Что он плюнул мне прямо в глаза.

Входят Рассветов, Лобок и Чекистов.

ЛОБОК

Я же говорил, что это место

Считалось опасным всегда.

Уже с прошлого года

Стало известно,

Что он со всей бандой перебрался сюда.

РАССВЕТОВ

Что мне из того, что ты знал?

Узнай, где теперь он.

ЧЕКИСТОВ

Ты, Замарашкин, идиот!

Я будто предчувствовал.

РАССВЕТОВ

Бросьте вы к черту ругаться —

Это теперь не помога.

Нам нужно одно:

Дознаться,

По каким они скрылись дорогам.

ЧЕКИСТОВ

Метель замела все следы.

ЗАМАРАШКИН

Пустяки, мы следы отыщем.

Не будем ставить громоздко

Вопрос, где лежат пути.

Я знаю из нашего розыска

Ищайку, каких не найти.

Это шанхайский китаец.

Он коммунист и притом,

Под видом бродяги слоняясь,

Знает здесь каждый притон.

РАССВЕТОВ

Это, пожалуй, дело.

ЛОБОК

Как зовут китайца?

Уж не Литза ли Хун?

ЗАМАРАШКИН

Он самый!

ЛОБОК

О, про него много говорят теперь.

Тогда Номах в наших лапах.

РАССВЕТОВ

Но, я думаю... Номах

Тоже не из тетерь...

ЗАМАРАШКИН

Он чует самый тонкий запах.

РАССВЕТОВ

Потом ведь нам очень важно

Поймать его не пустым...

Нам нужно вернуть покражу...

Но золото, может, не с ним...

ЗАМАРАШКИН

Золото, конечно, не при нем.

Но при слежке вернем и пропажу.

Нужно всех их забрать живьем...

Под кнутом они сами расскажут.

РАССВЕТОВ

Что же: звоните в розыск.

ЗАМАРАШКИН

(подходя к телефону)

43 – 78:

Алло:

43 – 78?

Приволжский городок

Тайный притон с паролем «Авдотья, подними подол». 2 тайных посетителя. Кабатчица, судомойка и подавщица.

КАБАТЧИЦА

Спирт самый чистый, самый настоящий!

Сама бы пила, да деньги надо.

Милости просим.

Заглядывайте почаще.

Хоть утром, хоть в полночь —

Я всегда вам рада.

Входят Номах, Барсук и еще 2 повстанца. Номах в пальто и шляпе.

БАРСУК

Привет тетке Дуне!

КАБАТЧИЦА

Мое вам почтение, молодые люди.

1-Й ПОВСТАНЕЦ

Дай-ка и нам по баночке клюнуть.

С перезябу-то легче, пожалуй, будет.

Садятся за стол около горящей печки.

КАБАТЧИЦА

Сейчас, мои дорогие!

Сейчас, мои хорошие!

НОМАХ

Холод зверский. Но... все-таки

Я люблю наши русские вьюги.

БАРСУК

Мне все равно. Что вьюга, что дождь...

У этой тетки

Спирт такой,

Что лучше во всей округе не найдешь.

1-Й ПОВСТАНЕЦ

Я не люблю вьюг,

Зато с удовольствием выпью.

Когда крутит снег,

Мне кажется,

На птичьем дворе гусей щиплют.

Вкус у меня раздражительный,

Аппетит, можно сказать, неприличный,

А потому я хотел бы положительно

Говядины или птичины.

КАБАТЧИЦА

Сейчас, мои желанные...

Сейчас, сейчас...

(Ставит спирт и закуску.)

НОМАХ

(тихо к кабатчице)

Что за люди... сидят здесь... окол?..

КАБАТЧИЦА

Свои, голубчик,

Свои, мой сокол.

Люди не простого рода,

Знатные-с, сударь,

Я знаю их 2 года.

Посетители – первый класс,

Каких нынче мало.

У меня уж набит глаз

В оценке материала.

Люди ловкой игры.

Оба – спецы по винам.

Торгуют из-под полы

И спиртом и кокаином.

Не беспокойтесь! У них

Язык на полке.

Их ищут самих

Красные волки.

Это дворяне,

Щербатов и Платов.

Посетители начинают разговаривать.

ЩЕРБАТОВ

Авдотья Петровна!

Вы бы нам на гитаре

Вальс

«Невозвратное время».

ПЛАТОВ

Или эту... ту, что вчера...

(напевает)

«Все, что было,

Все, что мило,

Все давным-давно

Уплы-ло...»

Эх, Авдотья Петровна!

Авдотья Петровна!

Кабы нам назад лет 8,

Старую Русь,

Старую жизнь,

Старые зимы,

Старую осень.

БАРСУК

Ишь, чего хочет, сволочь!

1-Й ПОВСТАНЕЦ

М-да-с...

ЩЕРБАТОВ

Невозвратное время! Невозвратное время!

Пью за Русь!

Пью за прекрасную

Прошедшую Русь.

Разве нынче народ пошел?

Разве племя?

Подлец на подлеце

И на трусе трус.

Отцвело навсегда

То, что было в стране благородно.

Золотые года!

Ах, Авдотья Петровна!

Сыграйте, Авдотья Петровна,

Вальс,

Сыграйте нам вальс

«Невозвратное время».

КАБАТЧИЦА

Да, родимые, да, сердешные!

Это не жизнь, а сплошное безобразие.

Я ведь тоже была

Дворянка здешняя

И училась в первой

Городской гимназии.

ПЛАТОВ

Спойте! Спойте, Авдотья Петровна!

Спойте: «Все, что было».

КАБАТЧИЦА

Обождите, голубчики,

Дайте с посудой справиться.

ЩЕРБАТОВ

Пожалуйста. Пожалуйста!

ПЛАТОВ

Пожалуйста, Авдотья Петровна!

Через кухонные двери появляется китаец.

КИТАЕЦ

Ниет Амиэрика,

Ниет Евыропе.

Опий, опий,

Сыамый лыучий опий.

Шанго курил,

Диеньги дыавал,

Сыам лиубил,

Есыли б не сытрадал.

Куришь, колица виюца,

А хыто пыривык,

Зыабыл ливарюца,

Зыабыл большевик,

Ниет, Амиэрика,

Ниет Евыропе.

Опий, опий,

Сыамый лыучий опий.

ЩЕРБАТОВ

Эй, ходя! Давай 2 трубки.

КИТАЕЦ

Диеньги пирёт.

Хыодя очень бедыный.

Тывой шибко живет,

Мой очень быледный.

ПОДАВЩИЦА

Куришь на кухню.

ЩЕРБАТОВ

На кухню так на кухню.

(Покачиваясь, идет с Платовым на кухню. Китаец за ними.)

НОМАХ

Ну и народец здесь.

О всех веревка плачет.

БАРСУК

М-да-с...

1-Й ПОВСТАНЕЦ

Если так говорить,

То, значит,

В том числе и о нас.

БАРСУК

Разве ты себя считаешь негодяем?

1-Й ПОВСТАНЕЦ

Я не считаю,

Но нас считают.

2-Й ПОВСТАНЕЦ

Считала лисица

Ворон на дереве.

К столику подходит подавщица.

ПОДАВЩИЦА

Сегодня в газете...

НОМАХ

Что в газете?

ПОДАВЩИЦА

(тихо)

Пишут, что вы разгромили поезд,

Убили коменданта и красноармейца.

За вами отправились в поиски.

Говорят, что поймать надеются.

Обещано 1000 червонцев.

С описанием ваших примет:

Блондин.

Среднего роста.

28-ми лет.

(Отходит.)

НОМАХ

Ха-ха!

Замарашкин не выдержал.

БАРСУК

Я говорил, что его нужно было

Прикончить, и дело с концом.

Тогда б ни одно рыло

Не знало,

Кто справился с мертвецом.

НОМАХ

Ты слишком кровожаден.

Если б я видел,

То и этих двоих

Не позволил убить...

Зачем?

Ведь так просто

Связать руки

И в рот платок.

БАРСУК

Нет! Это не так уж просто.

В живом остается протест.

Молчат только те – на погостах,

На ком крепкий камень и крест.

Мертвый не укусит носа,

А живой...

НОМАХ

Кончим об этом.

1-Й ПОВСТАНЕЦ

Два вопроса...

НОМАХ

Каких?

1-Й ПОВСТАНЕЦ

Куда деть слитки

И куда нам?

НОМАХ

Я сегодня в 12 в Киев.

Паспорт у меня есть.

Вас не знают, кто вы такие,

Потому оставайтесь здесь...

Телеграммой я дам вам знать,

Где я буду...

В какие минуты...

Обязательно тыщ 25

На песок закупить валюты.

Пусть они поумерят прыть —

Мы мозгами немного побольше...

БАРСУК

Остальные зарыть?

НОМАХ

Часть возьму я с собой,

Остальное пока зарыть...

После можно отправить в Польшу.

У меня созревает мысль

О российском перевороте,

Лишь бы только мы крепко сошлись,

Как до этого, в нашей работе.

Я не целюсь играть короля

И в правители тоже не лезу,

Но мне хочется погулять

И под порохом и под железом.

Мне хочется вызвать тех,

Что на Марксе жиреют, как янки.

Мы посмотрим их храбрость и смех,

Когда двинутся наши танки.

БАРСУК

Замечательный план!

1-Й ПОВСТАНЕЦ

Мы всегда готовы.

2-Й ПОВСТАНЕЦ

Я как-то отвык без войны.

БАРСУК

Мы все по ней скучаем.

Стало тошно до чертиков

Под юбкой сидеть у жены

И живот напузыривать чаем.

Денег нет, чтоб пойти в кабак,

Сердце ж спиртику часто хочет.

Я от скуки стал нюхать табак —

Хоть немного в носу щёкочет.

НОМАХ

Ну, а теперь пора.

До 12 четверть часа.

(Бросает на стол два золотых.)

БАРСУК

Может быть, проводить?

НОМАХ

Ни в коем случае.

Я выйду один.

(Быстро прощается и уходит.)

Из кухни появляется китаец и неторопливо выходит вслед за ним. Опьяневшие посетители садятся на свои места. Барсук берет шапку, кивает товарищам на китайца и выходит тоже.

ЩЕРБАТОВ

Слушай, Платов!

Я совсем ничего не чувствую.

ПЛАТОВ

Это виноват кокаин.

ЩЕРБАТОВ

Нет, это не кокаин.

Я, брат, не пьян.

Я всего лишь одну понюшку.

По-моему, этот китаец

Жулик и шарлатан!

Ну и народ пошел!

Ну и племя!

Ах, Авдотья Петровна!

Сыграйте нам, Авдотья Петровна, вальс...

Сыграйте нам вальс

«Невозвратное время».

(Тычетя носом в стол. Платов тоже.)

Повстанцы молча продолжают пить. Кабатчица входит с гитарой. Садится у стойки и начинает настраивать.

Часть четвертая

На вокзале N

Рассветов и Замарашкин. Вбегает Чекистов.

ЧЕКИСТОВ

Есть! Есть! Есть

Замарашкин, ты не брехун!

Вот телеграмма:

«Я Киев. Золото здесь.

Нужен ли арест.

Литза-Хун».

(Передает телеграмму Рассветову.)

РАССВЕТОВ

Все это очень хорошо,

Но что нужно ему ответить?

ЧЕКИСТОВ

Как что?

Конечно, взять на цугундер!

РАССВЕТОВ

В этом мало радости —

Уничтожить одного,

Когда на свободе

Будет 200 других.

ЧЕКИСТОВ

Других мы поймаем потом.

С другими успеем после...

Они ходят

Из притона в притон,

Пьют спирт и играют в кости.

Мы возьмем их в любом кабаке.

В них одних, без Номаха,

Толку мало.

А пока

Нужно крепко держать в руке

Ту добычу,

Которая попала.

РАССВЕТОВ

Теперь он от нас не уйдет,

Особенно при сотне няnek.

ЧЕКИСТОВ

Что ему няньки?

Он их сцапает в рот,

Как самый приятный

И легкий пряник.

РАССВЕТОВ

Когда будут следы к другим,

Мы возьмем его в 2 секунды.

Я не знаю, с чего вы

Вдолбили себе в мозги —

На цугундер да на цугундер.

Нам совсем не опасен

Один индивид,

И скажу вам, коллега, вкратце,

Что всегда лучше

Отыскивать нить

К общему центру организации.

Нужно мыслить без страха.

Послушайте, мой дорогой:

Мы уберем Номаха,

Но завтра у них будет другой.

Дело совсем не в Номахе,

А в тех, что попали за борт.

Нашей веревки и плахи

Ни один не боится черт.

Страна негодует на нас.

В стране еще дикие нравы.

Здесь каждый Аким и Фанас

Бредит имперской славой.

Еще не изжит вопрос,

Кто ляжет в борьбе из нас.

Честолюбивый росс

Отчизны своей не продаст.

Интернациональный дух

Прет на его рожон.

Мужик если гневен не вслух,

То завтра придет с ножом.

Повстанчество есть сигнал.

Поэтому сказ мой весь:

Тот, кто крыло поймал,

Должен всю птицу съесть.

ЧЕКИСТОВ

Клянусь всеми чертями,

Что эта птица

Даст вам крылом по морде

И улетит из-под носа.

РАССВЕТОВ

Это не так просто.

ЗАМАРАШКИН

Для него будет,

Пожалуй, очень просто.

РАССВЕТОВ

Мы усилим надзор

И возьмем его,

Как мышь в мышеловку.

Но только тогда этот вор

Получит свою веревку,

Когда хоть бандитов сто

Будет качаться с ним рядом,

Чтоб чище синел простор

Коммунистическим взглядом.

ЧЕКИСТОВ

Слушайте, товарищи!

Это превышение власти —

Этот округ вверен мне.

Мне нужно поймать преступника,

А вы разводите теорию.

РАССВЕТОВ

Как хотите, так и называйте.

Но,

Чтоб больше наш спор

Не шел о том,

Мы сегодня ж дадим ответ:

«Литза-Хун!

Наблюдайте за золотом.

Больше приказов нет».

Чекистов быстро поворачивается, хлопает дверью и выходит в коридор.

В коридоре

ЧЕКИСТОВ

Тогда я поеду сам.

Киев

Хорошо обставленная квартира. На стене большой, во весь рост, портрет Петра Великого. Номах сидит на крыле кресла, задумавшись. Он, по-видимому, только что вернулся. Сидит в шляпе. В дверь кто-то барабанит пальцами. Номах, как бы пробуждаясь от дремоты, идет осторожно к двери, прислушивается и смотрит в замочную скважину.

НОМАХ

Кто стучит?

ГОЛОС

Отворите... Это я...

НОМАХ

Кто вы?

ГОЛОС

Это я... Барсук...

НОМАХ

(отворяя дверь)

Что это значит?

БАРСУК

(входит и закрывает дверь)

Это значит – тревога.

НОМАХ

Кто-нибудь арестован?

БАРСУК

Нет.

НОМАХ

В чем же дело?

БАРСУК

Нужно быть наготове,

Немедленно нужно в побег.

За вами следят.

Вас ловят.

И не вас одного, а всех.

НОМАХ

Откуда ты узнал это?

БАРСУК

Конечно, не высосал из пальцев.

Вы помните тот притон?

НОМАХ

Помню.

БАРСУК

А помните одного китайца?

НОМАХ

Да...

Но неужели...

БАРСУК

Это он.

Лишь только тогда вы скрылись,

Он последовал за вами.

Через несколько минут

Вышел и я.

Я видел, как вы сели в вагон,

Как он сел в соседний.

Потом осторожно, за золотой

Кондуктору,

Сел я сам.

Я здесь, как и вы,

Дней 10.

НОМАХ

Посмотрим, кто кого пережитрит?

БАРСУК

Но это еще не все.

Я следил за ним, как лиса.

И вчера, когда вы выходили

Из дому,

Он был более пол часа

И рылся в вашей квартире.

Потом он, свистя под нос,

Пошел на вокзал...

Я – тоже.

Предо мной стоял вопрос —

Узнать:

Что хочет он, черт желтокожий...

И вот... на вокзале...

Из-за спины...

На синем телеграфном бланке

Я прочел,

Еле сдерживаясь от мести,

Я прочел —

От чего у меня чуть не скочили штаны —

Он писал, что вы здесь,

И спрашивал об аресте.

НОМАХ

Да... Это немного пахнет...

БАРСУК

По-моему, не немного, а очень много.

Нужно скорей в побег.

Всем нам одна дорога —

Поле, леса и снег,

Пока доберемся к границе,

А там нас лови!

Гроби!

НОМАХ

Я не привык торопиться,

Когда вижу опасность вблизи.

БАРСУК

Но это...

НОМАХ

Безумно?

Пусть будет так.

Я —

Видишь ли, Барсук, —

Чудак.

Я люблю опасный момент,

Как поэт — часы вдохновенья,

Тогда бродит в моем уме

Изобретательность

До остервененья.

Я ведь не такой,

Каким представляют меня кухарки.

Я весь — кровь,

Мозг и гнев весь я.

Мой бандитизм особой марки.

Он осознание, а не профессия.

Слушай! я тоже когда-то верил

В чувства:

В любовь, геройство и радость,

Но теперь я постиг, по крайней мере,

Я понял, что все это

Сплошная гадость.

Долго валялся я в горячке адской,

Насмешкой судьбы до печенок израненный.

Но... Знаешь ли...

Мудростью своей кабацкой

Все выжигает спирт с бараниной...

Теперь, когда судорога

Душу скрючила

И лицо как потухающий фонарь в тумане,

Я не строю себе никакого чучела.

Мне только осталось —

Озорничать и хулиганить...

... ..

Всем, кто мозгами бедней и меньше,

Кто под ветром судьбы не был нищ и наг,

Оставляю прославлять города и женщин,

А сам буду славить

Преступников и бродяг.

... ..

Банды! банды!

По всей стране,

Куда ни взглядишь, куда ни пойдешь ты —

Видишь, как в пространстве,

На конях

И без коней,

Скачут и идут закованные бандиты.

Это все такие же

Разуверившиеся, как я...

... ..

А когда-то, когда-то...

Веселым парнем,

До костей весь пропахший

Степной травой,

Я пришел в этот город с пустыми руками,

Но зато с полным сердцем

И не пустой головой.

Я верил... я горел...

Я шел с революцией,

Я думал, что братство не мечта и не сон,

Что все во единое море сольются,

Все сонмы народов,

И рас, и племен.

... ..

Но к черту все это!

Я далек от жалоб.

Коль началось —

Так пускай начинается.

Лишь одного я теперь желаю,

Как бы покрепче...

Как бы покрепче

Одурачить китайца!..

БАРСУК

Признаться, меня все это,

Кроме побега,

Плохо устраивает.

(Подходит к окну.)

Я хотел бы:

О! Что это? Боже мой!

Номах! Мы окружены!

На улице милиция.

НОМАХ

(подбегая к окну)

Как?

Уже?

О! Их всего четверо...

БАРСУК

Мы пропали.

НОМАХ

Скорей выходи из квартиры.

БАРСУК

А ты?

НОМАХ

Не разговаривай!..

У меня есть ящик стекольщика

И фартук...

Живей обрядись

И спускайся вниз...

Будто вставлял здесь стекла...

Я положу в ящик золото...

Жди меня в кабаке «Луна».

(Бежит в другую комнату, тащит ящик и фартук.)

Барсук быстро подвязывает фартук. Кладет ящик на плечо и выходит.

НОМАХ

(прислушиваясь у двери)

Кажется, остановили...

Нет... прошел...

Ага...

Идут сюда...

(Отскакивает от двери. В дверь стучат. Как бы раздумывая, немного медлит. Потом неслышными шагами идет в другую комнату.)

Сцена за дверью

Чекистов, Литза-Хун и 2 милиционера.

ЧЕКИСТОВ

(смотря в скважину)

Что за черт!

Огонь горит,

Но в квартире

Как будто ни души.

ЛИТЗА-ХУН

(с хорошим акцентом)

Это его прием...

Всегда... Когда он уходит.

Я был здесь, когда его не было,

И так же горел огонь.

1-Й МИЛИЦИОНЕР

У меня есть отмычка.

ЛИТЗА-ХУН

Давайте мне...

Я вскрою...

ЧЕКИСТОВ

Если его нет,

То надо устроить засаду.

ЛИТЗА-ХУН

(вскрывая дверь)

Сейчас узнаем...

(Вынимает браунинг и заглядывает в квартиру.)

Тс... Я сперва один.

Спрячьтесь на лестнице.

Здесь ходят

Другие квартиранты.

ЧЕКИСТОВ

Лучше вдвоем.

ЛИТЗА-ХУН

У меня бесшумные туфли...

Когда понадобится,

Я дам свисток или выстрел.

(Входит в квартиру и закрывает дверь.)

Глаза Петра Великого

Осторожными шагами Литза-Хун идет к той комнате, в которой скрылся Номах. На портрете глаза Петра Великого начинают моргать и двигаться. Литза-Хун входит в комнату. Портрет неожиданно открывается как дверь, оттуда выскакивает Номах. Он рысьими шагами подходит к двери, запирает на цепь и снова исчезает в портрет-дверь. Через некоторое время слышится беззвучная короткая возня, и с браунингом в руке из комнаты выходит китаец. Он делает световой полумрак. Открывает дверь и тихо дает свисток. Вбегают милиционеры и Чекистов.

ЧЕКИСТОВ

Он здесь?

КИТАЕЦ

(прижимая в знак молчания палец к губам)

Тс... он спит... Стойте здесь...

Нужен один милиционер,

К черному выходу.

(Берет одного милиционера и крадучись проходит через комнату к черному выходу.)

Через минуту слышится выстрел, и испуганный милиционер бежит обратно к двери.

МИЛИЦИОНЕР

Измена!

Китаец ударил мне в щеку

И удрал черным ходом.

Я выстрелил...

Но... дал промах...

ЧЕКИСТОВ

Это он!

О! проклятье!

Это он!

Он опять нас провел.

Вбегают в комнату и выкатывают оттуда в кресле связанного по рукам и ногам. Рот его стянут платком. Он в нижнем белье. На лицо его глубоко надвинута шляпа. Чекистов сбрасывает шляпу, и милиционеры в ужасе отскакивают.

МИЛИЦИОНЕРЫ

Провокация!..

Это Литза-Хун...

ЧЕКИСТОВ

Развяжите его...

Милиционеры бросаются развязывать.

ЛИТЗА-ХУН

(выпихивая освобожденными руками платок изо рта)

Черт возьми!

У меня болит живот от злобы.

Но клянусь вам...

Клянусь вам именем китайца,

Если б он не накинул на меня мешок,

Если б он не выбил мой браунинг,

То бы...

Я сумел с ним справиться...

ЧЕКИСТОВ

А я... Если б был мандарин,

То повесил бы тебя, Литза-Хун,

За такое место...

Которое вслух не называется.

1922–1923

Примечания

1 «Липа» – подложный документ. (Прим. С. А. Есенина.)

2 Пожалуйста (англ.).

3 Бизнесмены, деловые люди (англ.).

4 Блеф, обман (англ.).